

**Министерство внутренних дел Российской Федерации
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

П.В. Тепляшин

Современное тюремное право Англии

Монография

Красноярск
СибЮИ МВД России
2007

УДК 343.812
ББК 67.409

Рецензенты: Ю.Е.Пудовочкин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России;
Ю.Ф.Кардополов – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета

Тепляшин, П.В.

Современное тюремное право Англии : монография / П.В.Тепляшин. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – 124 с.

В монографии исследуются закономерности, современное состояние и тенденции английской пенитенциарной политики. Освещаются вопросы законодательного оформления процесса реформирования пенитенциарной системы и научная составляющая тюремного права Англии. Дается характеристика современной тюремной системы Англии и Уэльса. Раскрываются проблемы исполнения тюремного заключения и освобождения от его отбывания. Значительное внимание уделено юридическим средствам исправления отдельных категорий преступников в условиях изоляции от общества.

Работа написана на основе лекций, прослушанных в Лестерском университете (Великобритания), изучения и обобщения обширного научного, учебного и законодательного зарубежного материала, а также личных впечатлений и опыта автора, полученных в результате знакомства с английской тюремной системой.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, специалистов в области уголовно-исполнительного права, сотрудников правоохранительных структур и органов юстиции, а также для широкого круга читателей, интересующихся теорией и практикой борьбы с преступностью за рубежом.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2007
© П.В. Тепляшин, 2007

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. ТЮРЕМНОЕ ПРАВО КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ.....	9
Глава II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ.....	18
Глава III. СОВРЕМЕННАЯ ТЮРЕМНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ.....	27
Глава IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	55
Глава V. ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	65
Глава VI. PAROLE: АНГЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	77
Заключение.....	110
Библиографический список.....	116

ВВЕДЕНИЕ

В рамках исследования современного тюремного права Англии важно заметить, что англосаксонская правовая семья или система (семья) общего права, как ее зачастую называют, является одной из самых распространенных, старейших и одной из самых влиятельных правовых систем современного мира. В связи с этим важно отметить повышающуюся роль сравнительного правоведения в отечественной науке. Так, изучение зарубежного права имеет целью выявление как положительных образцов, так и отрицательного опыта во избежание возможных ошибок в отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности. Хотя право государств и отражает национальные и культурные традиции, но декларируемое стремление России продолжать движение по пути социально-экономических и политических реформ требует осмысления чужого позитивного опыта и конструктивного подхода к нему. Весьма точной видится точка зрения А.Н.Тарбагаева, который считает, что, «анализируя иностранное уголовное право и сравнивая его с национальным законодательством, исследователь получает своеобразный стереоскопический эффект, позволяющий объективно оценить достоинства и недостатки как отраслей права в целом, так и их отдельных институтов».¹ По мнению Н.А.Лопашенко, знание зарубежного права необходимо для достижения по меньшей мере двух целей: 1) осознания качества (в том числе достоинств и проблем) национального законодательства и, соответственно, для выработки перспектив, приоритетов и тенденций его развития; 2) создания эффективных программ международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью и консолидации сил правоохранительных органов различных государств.²

¹ Тарбагаев, А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части : учебное пособие / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск : Государственный ун-т, 2000. – С. 47.

² См.: Лопашенко, Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представленной

Как представляется, понять приоритеты, тенденции и перспективы развития национального правоприменительного опыта в области уголовно-исполнительного права можно только в соотношении с иными моделями правового регулирования конкретных общественных отношений. В этом смысле сравнительное право представляет собой важнейший инструмент такого изучения¹, является, по справедливому замечанию М. Анселя, «одновременно местом исследования, опытным полем и неисчерпаемым источником, из которого можно извлечь материалы, могущие послужить основой для создания права завтрашнего дня»².

Обращение к тюремному праву и пенитенциарной практике Англии не случайно, поскольку позволяет обеспечить максимально широкое видение соответствующей проблематики и обусловлено рядом существенных обстоятельств.

Во-первых, Англия является страной старейшей демократии и родиной зарождения рыночных отношений. В этом плане представляется верным тезис о том, что контроль над преступностью более эффективен в государствах, сохраняющих преданность историческим традициям, нежели в странах, ориентированных на модернизм. Поэтому интересно и практически важно проследить, как глубокий исторический опыт в этой сфере, особая психология и уклад жизни самих британцев, особый характер и уникальность английской истории и культуры в целом повлияли на состояние преступности и ее предупреждение, выявить особенности английского национального пути гармонизации интересов личности и государства в области решения

М.А.Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 138.

¹ См.: Иванов, Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов // Правоведение. – 1988. – № 2. – С. 33-39.

² Ансель, М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике) / Марк Ансель ; пер. с франц. Н.С.Лапшиной ; под ред. А.А.Пионтковского – М. : Издательство «Прогресс», 1970. – С. 123.

проблем исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения и достижения его целей.

Во-вторых, Англию, бесспорно, можно назвать «законодательницей моды» в пенитенциарной сфере, тюремная система и право которой имеют многовековой исторический опыт, в которой революционные идеи и достижения получили мировую известность и признание. В связи с этим будет уместным привести слова П.М.Минца, справедливо отмечающего, что «Англия – страна практического опыта, а не априорных теоретических конструкций. Она самостоятельно создает или, в случае позаимствования первоначальной идеи, пересоздает нужные её учреждения, применяясь к требованиям реальной действительности. Отсюда органическое развитие её государственной и общественной жизни, и в этом органическом росте вся её сила».¹

В-третьих, Великобритания, частью которой является Англия, – одна из первых стран, с которых началось развитие и дальнейшее укрепление международных отношений России в сфере исполнения наказаний. В частности, первый тюремный конгресс, на котором присутствовали русские пенологи, под эгидой тогда еще Комиссии представителей государств состоялся именно в Лондоне в 1872 году.

И последнее: в основе тюремного права Англии, в том числе Уэльса (рамки монографического исследования не будут распространяться на Северную Ирландию и Шотландию, которые не подчиняются английскому праву), лежит английское право как ядро правовой системы общего права. Преодоление же известной ограниченности современного юридического состояния уголовно-исполнительного права России, привнесение свежих идей и апробированных исправительных механизмов, решение имеющихся внутренних проблем национальной практики исполнения наказаний возможно под углом сопоставления пенитенциарных моделей, относящихся именно к двум разным пра-

¹ Минц, П.М. Английская система принудительного воспитания / П.М. Минц // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 5 (май). – С. 199-200.

вовым системам. Обращение к правовой системе общего права также достаточно логично подчеркивает наметившееся сближение двух основных правовых систем мира как конгениальных по своему духу составных компонент единой правовой традиции Запада (в частности, возрастание роли законодательства в качестве источника правовых норм и соответственно для континентальной – судейской практики), на что можно обратить внимание через призму английского тюрьмоведения.

Особенно актуальна тема исследования в новых условиях функционирования российской модели исполнения наказаний, в том числе и лишения свободы, когда признание и высокая оценка зарубежных концепций борьбы с преступностью указывают на необходимость с особым вниманием отнестись к опыту их становления и развития. Также с точки зрения современного политико-правового и практического интереса для нашей страны, активно интегрирующейся в единое европейское пространство, очень важен опыт борьбы с преступностью партнеров по Совету Европы.

Для достижения наибольшей глубины исследования, всемерной демонстрации всех аспектов функционирования английского тюремного права и наиболее полного описания общественных отношений и явлений, сопутствующих развитию и современному состоянию тюремной практики и права Англии, в монографии осуществлен достаточно детальный анализ как теории, так и практики применения средств исправления осужденных, обращается особое внимание на ранее неизвестные особенности английской пенитенциарной традиции, курьезные примеры в тюремной практике и неоднозначно интерпретируемые явления, связанные с правовым феноменом английского тюрьмоведения (например, специально-психологические приемы исправительного воздействия на осужденных, отбывающих тюремное заключение).

В настоящем исследовании осуществляется анализ феномена английского тюрьмоведения и выявления его проблемно-теоретических и практических особенностей.

Таким образом, в работе делается попытка изучения правовой оболочки и практического содержания английского тюрьмоведения и на этой основе формирования комплексного видения реальных механизмов, лежащих в изменении субстанции карательного элемента тюремного заключения, в трансформации социальной модальности данного вида уголовного наказания и корпуса научных парадигм в практике данной формы репрессивно-исправительного воздействия государства на преступника.

Теоретическая часть проведенной работы в большинстве своем основывается на анализе научной и учебной литературы английских правоведов, в частности Лайонела Фокса, Джеймса Стефена, Мартина Саусвуда, Джона Боуринга, Дэвида Гарланда, Джона Пратта, Дэвида Вильсона, Джона Аштона, Ричарда Вортлея, Нигеля Родлея, Кортни Кенни, Стефена Ливингстона, Тима Оуэна, Джаневры Ричардсон, посвятивших свои труды исследованию тюремной практике, теории и права Англии.

Практическая часть проведенного исследования основывается на непосредственном ознакомлении с пенитенциарной системой Англии – посещении некоторых тюрем в Лестере, Ноттингеме, Лондоне. В силу данного обстоятельства допускается авторская оценка и некоторая интерпретация английской пенитенциарной традиции, содержания общественных отношений, явлений и пенитенциарных реформ, сопутствующих теории и практике английского тюрьмоведения.

ГЛАВА I. ТЮРЕМНОЕ ПРАВО КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

С формально-юридической точки зрения и вне тесной связи с английской уголовно-правовой парадигмой тюремное право (тюрьмоведение) может рассматриваться как один из системообразующих элементов теоретического обоснования и сопровождения системы уголовного правосудия, поскольку данный феномен является научно-описательной надстройкой функционирования тюремной системы, исполнения соответствующих наказаний и их правового обеспечения, функционально направленной на достижение задач уголовного правосудия и цели реформирования лиц, осужденных к тюремному заключению. Тюрьмоведение (как предтечу тюремному праву), безусловно, следует воспринимать с поправкой на историчность данного феномена. Зарождение данной отрасли знаний тесно связано с реформой уголовной юстиции и тюремным движением, проходившими во второй половине XVIII столетия. Постепенно с последовательным совершенствованием права и механизмов правового регулирования общественных отношений, в том числе в области исполнения уголовных наказаний, тюрьмоведение вышло за рамки лишь метафизического представления о содержании и категориальном аппарате, более не ограничивается и не является простой парадигмой форм, средств и методов воздействия на осужденных с целью их исправления, а также сопутствующей научно-теоретической надстройкой, но выступает отраслевой (относительно обособленной) системой правового регулирования соответствующих общественных отношений, в условном смысле первостепенный атрибут которой – правовая норма.

Сложно согласиться с мнением о том, что утрата тюрьмоведением своего имени явилось последствием его

бесполезности.¹ В частности, Л.Альперн отмечает: «Тюрьмой перестали «ведать», перестали её «наведывать», тюрьма совсем закрылась для посторонних, среди них оказалась и наука»². Как представляется, это не «лингвистический казус», но результат вполне объяснимого и закономерного изменения содержательной стороны самой дисциплины и соответствующей системы знаний как науки, что свойственно как для России, так и для стран Европы. Термин «тюрьма» используется и по настоящее время в качестве обозначения конкретного вида исправительного учреждения, перед которым стоят свои задачи, в которых используется определенный арсенал форм и средств исправления, существует отличная от других видов исправительных учреждений атмосфера. В странах с англо-саксонской системой права спектр данных учреждений, собственно как и наказаний, качественно отличных друг от друга, не столь велик, нежели в государствах с континентальной системой права (на что имеются веские причины). Основным видом исправительного учреждения Англии до сих пор остается тюрьма, наверное, именно поэтому традиционно их деятельности корреспондирует тюремное право (Prison Law).

В связи с этим важно обратить внимание на одну из основополагающих проблем тюремоведения – различное смысловое понимание одного и того же явления. Так, через преломление разнородных убеждений и идеологических препарирований тюрьма, её правовая оболочка, практическое наполнение и научное сопровождение получают различное оформление и содержание. Поэтому важно дать адекватный ответ на вопрос о том, какова социальная ценность и правовая сущность тюрьмы и её основных атрибу-

¹ Как представляется, до сих пор актуальны и справедливы слова А.А.Пионтковского, в свое время указывавшего на то, что «тюрьма настолько же необходима в борьбе с преступностью, насколько больница в борьбе с болезнями». См.: Пионтковский, А.А. Дисциплинарные взыскания в карательных учреждениях / А.А. Пионтковский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 4 (апрель). – С. 58.

² Альперн, Л. Сон и явь женской тюрьмы / Л. Альперн. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 13.

тов? Важно выявить подлинную картину общественных отношений и явлений, сопутствующих становлению и развитию английского тюрьмоведения, и тем самым опровергнуть либо согласиться с имеющей место сокрушительной критикой рассматриваемого феномена. В частности, известный английский правозащитник Питер Гитченс отмечает: «...парадокс английских тюрем сегодня состоит в том, что их внешняя оболочка скрывает не столь многозначительный секрет. Возможно, правительство заинтересовано в этом. Мы – жертвы или потенциальные жертвы преступности – можем обманывать себя, но до сих пор пенитенциарная система является мрачным оплотом унижения заключенных, которые в полосатых одеждах существуют на картошке и выполняют тяжелый физический труд. Между тем ...границы XIX столетия скрывают результаты едва наметившихся положительных тенденций, имевшая место работа не была успешной и, по сути, осталась лишь попыткой реформирования тюремной системы»¹.

Однако важно констатировать, что на рубеже XIX-XX столетий тюрьмоведение как эмпирико-теоретическая основа формирования пенологии и в дальнейшем тюремного права «затрагивало слишком много вопросов, не укладывающихся среди чисто правового материала уголовного права»². В результате развития карательной деятельности того или иного государства на философской, социально-этической и правовой основе создавались разнообразные теории наказания и это приводило к формированию специфической отрасли знания – пенологии и затем тюремного права (тюрьмоведения). Поэтому тюрьмоведение непременно выступило универсальной площадкой научных исследований «наказания как средства для борьбы с преступлением... наказания в его внешнем, фактическом примене-

¹ Hitchens, P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England / P. Hitchens. – London : Atlantic Books, 2003. – P. 115 (здесь и далее перевод автора).

² Исаев, М. Основы пенитенциарной политики / М. Исаев. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927 . – С. 5.

нии и его внутреннем, выводимом из фактов, действий»¹, то есть самостоятельным направлением уголовной политики, получившим теоретическое обоснование и закрепление представителями социологической школы уголовного права, в частности Францем фон Листом. В связи с этим И.Я.Фойницкий справедливо указывает на тюрьмоведение как на особую отрасль политико-юридических наук. Однако им дается слишком пространное определение рассматриваемой категории: отрасль, «основывающаяся на данных опыта и стремящаяся к философско-практическому (позитивному) разрешению карательной проблемы. Содержанием своим она имеет определение институтов, способных оказать в полезную для общежития сторону воздействие на преступный класс путем тщательного изучения особенностей преступного населения и действительного влияния на него практикуемых мер... Тюремная деятельность стала ветвью деятельности по народному призрению и народному воспитанию, получающей свои особенности из особенностей преступного класса, к которому она применяется; и, естественно, поэтому, что успех её обуславливается твердой постановкой дела народного образования и общественного призрения»². В данном определении просматривается явный крен на тюрьмоведение как на панацею от всех проблем преступности, тогда как развитие успехов в снижении преступности и повышении эффекта наказаний в каком-то смысле происходило лишь под эгидой данной зарождающейся науки и было связано с определенной социальной политикой государства, в то время как данная политика («народное воспитание» и «народное образование») ложно подменяется задачами тюрьмоведения.

¹ Пржевальский, В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание / В.В. Пржевальский // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения ; том 6. – СПб. : Типография М.М.Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. – С. 79.

² Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – М.: Добросвет-2000; Городец, 2000. – С. 291-292.

Следует обратиться к основным элементам данного феномена, образующим «каркас» тюрьмоведения и наполняющим его содержание. Абсолютно справедливым будет подход, согласно которому национальная модель тюремной системы отражает основные признаки ее тюрьмоведческой науки, но вместе с этим (с практической позиции) не равнозначна способу размещения заключенных. Так, последний – это «вопрос второстепенный по отношению к вопросу о системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Если способ размещения заключенных в конкретном месте лишения свободы лишь косвенно зависит от экономических и политических факторов, то тюремная система связана с ним теснейшим образом»¹. Следовательно, тюремная система, отражая специфику тюрьмоведческой науки, поглощала систему размещения заключенных в местах изоляции от общества, зависела от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включала определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления.

Ретроспективное исследование систем тюремного заключения как практической стороны и предтечи современного тюремного права Англии приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества «как в более суровой, так и в более мягкой форме сделалось центром существующих карательных систем и до сих пор удерживает это положение»². Данный вывод объясняется высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способного лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью применения в рамках лишения свободы широкой гаммы средств и методов воздействия на преступни-

¹ Туманов, Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюрьмоведения в капиталистических странах / Г.А.Туманов : лекция. – М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1965. – С. 8.

² Чубинский, М.П. Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль : Типография губернского правления, 1909. – С. 429.

ка. Так, Н.Д.Сергеевский отмечал преимущество тюремного заключения перед всеми другими видами наказаний в силу его «постепенности» и «делимости», «устранения излишних мучений» и «хорошего влияния на преступника». По мнению ученого, наказание в виде тюремного заключения вполне соответствует положению гражданина в современном государстве и современной общественной нравственности, поэтому оно «заслонило собою и смертную казнь, и наказания телесные, и наказания, направляющиеся на честь, и, наконец, все другие формы лишения свободы. Необходимость специальных работ и исследований по вопросу об организации наказания лишением свободы вызвало выделение этой части учения о наказаниях в особую науку, *тюрьмоведение*, как систему специальных знаний о наилучшей организации тюремного лишения свободы»¹. Важной составляющей тюрьмоведения явились научное наполнение данной отрасли и теоретическое сопровождение процесса исправления, и оно становится той отраслью знания, «которая освещает сделанные опыты общими научными идеями, проверяет, объединяет и оценивает их и на почве их строит свои указания относительно наилучшего, при современных условиях, состояния тюрем. Оно призвано освещать пути законодателя и тюремного деятеля в их стремлении к достижению пенитенциарных целей»². Наука тюрьмоведения все более однозначно приходила к становившемуся непреложным выводу о том, что тюремное заключение в сравнении с иными наказаниями обладает наиболее широким спектром средств исправления, а рациональная организация тюремного дела позволит перевести в ранг исправившихся большую часть преступников. Не случайно известный английский исследователь проблем наказания Лайонел Фокс указывает на то, что впервые функции исправления осужденного были введены в тюрь-

¹ Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право / Н.Д. Сергеевский : пособие к лекциям. – СПб.: Типография Х.Ш.Гельперн, 1890. – С.191.

² Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издание Г.А.Лемана и Б.Д.Плетнева, 1915. – С. 21.

мах.¹ Таким образом, тюремное заключение и исправительные учреждения оказались в центре внимания, стала бурно развиваться парадигма научных исследований в данной сфере, появилось собственно тюрьмоведение как система знаний в области теории и практики исполнения наказания в виде тюремного заключения, преследующая главную цель – достижение должного исправительного эффекта, а затем тюремное право – как правовая дисциплина и относительно обособленная система правовых норм, образующая юридическую оболочку тюрьмоведения.

В качестве постановки проблемы, повышающей актуальность настоящего исследования, следует указать на то, что развитие английского правосудия начиная со второй половины XIX столетия, по сути, основывалось на завуалированной идее о том, что тюрьма, безусловно, имея ряд недостатков, представляет собой своеобразный фильтр, позволяющий отсеивать от лиц, якобы исправившихся, более многочисленный, как представляется, массив лиц, потенциально способных вновь оказаться за решеткой. Таким образом, смысл данного наказания заключается в осуществлении определенного контроля именно за второй категорией лиц, уже прошедших через механизм криминологической и уголовно-правовой оценки, тщательного изучения и скрупулезного судебно-правового и пенитенциарного учета. Вследствие этого скрытое назначение тюрьмы сводится к ее инструментальной функции, а различных тюремных проектов – к более глубокому изучению преступной личности, ее всесторонней и вместе с тем емкой регистрации. В дальнейшем открылись огромные и намного более полезные в сравнении с дефектами тюремного заключения возможности. *Ad locum* для уголовно-правового механизма XIX столетия открылись безграничные возможности не только по осуществлению постпенитенциарного контроля за освободившимися лицами, но и дистрибутивному руководству последними, появились реальные рычаги воздей-

¹ Fox, L.W. *The English Prison and Borstal Systems* / L.W. Fox. – London : Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. – P. 24.

ствия на последних, методы их направления в русло менее опасных форм антиобщественного поведения (например, занятие проституцией), а также отделения от законопослушных граждан (в частности, образование своеобразных криминальных гетто, обязательство проживания в установленных местах), их помещение в маргинальные социальные условия (например, внедрение полицейских осведомителей в низшие социальные слои). Тюрьма как специализированное государственное учреждение выступило инструментом для запуска механизма, обеспечивающего «специализированное» существование ее бывших «клиентов».

На фоне подобной постановки назначения и эффекта тюремного заключения в XIX веке все же имели место постепенное элиминирование отрицательных свойств данного вида наказания, развитие научных основ тюремоведения и его *ipso* конструктивное проявление результатов действия прогрессивной системы исполнения наказания (в частности, снижение рецидива). Закрепляя данную тенденцию, известный русский ученый-правовед М.П.Чубинский приходит к социально обусловленному выводу: «Лишение свободы есть единственное серьезное репрессивное орудие современного общества, необходимое по отношению к более опасной и худшей части преступного люда»¹. Безусловно, тюрьма имела и имеет также немало отрицательных свойств, связанных в первую очередь с определенной духовной изоляцией осужденного, частичной потерей социально полезных связей и криминальной средой тюрьмы.²

¹ Чубинский, М.П. Указ. соч. – С. 431.

² Так, в свое время известный русский адвокат А.С.Гольденвейзер указывал, что карательная система является не только неудачным «инструментом, требующим той или иной реформы, не лишним только аппаратом в ряду других, а самоубийственным учреждением, одно существование которого исключает, по убеждению Толстого, возможность нравственных основ в общественных отношениях» (Гольденвейзер, А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения») / А.С.Гольденвейзер / издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора. – Киев: Тип.

Однако на момент становления и при дальнейшем развитии тюрьмоведения (тюремного права) и исправительной идеи наказания основной целью было повышение пенального прагматизма, респектабельности и очевидного эффекта наказания в виде тюремного заключения и всей тюремной системы Англии, общей характеристике современного состояния которой посвящена следующая глава исследования.

Р.К.Лубковского, Б.-Владимирская ул., № 46, 1911. – С. 63). Также о критике лишения свободы как меры наказания и отрицательном влиянии тюремного заключения см.: Гомберг, Б. Опыт изложения основных начал этиологии преступления. Ч. I. Чезаре Ломброзо и уголовная антропология / Б. Гомберг. – Киев: Типография 2-й артели, Б.-Владимирская № 43, 1911. – С. 74-75.

ГЛАВА II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ

Радикально организационно-правовая реформа тюремной системы Англии и Уэльса, начавшаяся во второй половине прошлого века, достигла своего апогея в 1990-х годах и главным образом коснулась ее окончательной централизации и подчинения Тюремной Службы Министру внутренних дел, переоценки задач и принципов ее функционирования, была связана с появлением в 1994 году Омбудсмана по делам тюрем и пробации. В апреле 2000 года был сделан последний важный шаг в сторону построения устойчивой организационно-территориальной структуры тюремной системы с учетом успешного решения оперативных задач, географической выгодностью и конструктивной координацией с полицией и подразделениями Национальной Службы Пробации.¹

В настоящее время Тюремная Служба (Ведомство) Англии и Уэльса, возглавляемая Гилари Бенном (Hilary Benn), является структурным исполнительным органом Министерства внутренних дел. Ключевым направлением деятельности Тюремной Службы сегодня является достижение основной цели, установленной для Министерства внутренних дел его главой, Дэвидом Бланкеттом (David Blunkett), – строительство безопасного, справедливого и толерантного общества, в котором гармонично сочетались бы права и ответственность человека и общества, а также обеспечение охраны и защиты общества от преступных посягательств. Из семи задач, установленных министром для достижения данной цели, четвертая специально относится к деятельности Службы – эффективное исполнение судеб-

¹ Controlling Crime / Edited by E. McLaughlin and J. Muncie. – 2nd ed. – London · Thousand Oaks · New Delhi : SAGE Publications ; The Open University, 2001. – P. 218-219; Cavadino, M. The Penal System. An Introduction / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London : SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – P. 203-204.

ных приговоров в целях снижения повторности преступных актов и защиты общества от преступников. Достижение указанной задачи основано на содержании преступников в безопасных, соответствующих и здоровых условиях и снижении преступности путем специальных режимных мероприятий, по возможности адресованных каждому заключенному, улучшения их образования и трудовых навыков, стимулировании законопослушного поведения как во время заключения, так и после освобождения. В основу решения данной задачи положены следующие принципы:

- честность, открытость и человечность в отношениях с заключенными как со стороны сотрудников тюремной системы, так и со стороны всех иных лиц, вступающих в какой-либо контакт с ними;

- индивидуальная оценка, опека и поддержка каждого заключенного;

- равные возможности и отсутствие дискриминации в отношении осужденных по любым признакам;

- конструктивная работа и сотрудничество с различными органами уголовной юстиции и иными негосударственными организациями, так или иначе способных оказать помощь в исправлении и реабилитации преступников;

- внедрение в практику лучшего из накопленного опыта.¹

В настоящее время тюремная система Англии и Уэльса насчитывает 138 тюрем: 13 женских, 4 смешанных, в остальных содержатся преступники только мужского пола. Существуют несколько видов тюрем и только два типа – открытые и закрытые. В основу деления на виды положен функциональный критерий достижения конкретных задач уголовного правосудия, на типы – степень охраны заключенных, которая зависит от большей или меньшей предполагаемой опасности побега заключенного. Все заключенные в зависимости от вероятной степени опасности совер-

¹ The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – P. 1125-1126.

шения ими побега подразделяются на четыре категории – А, В, С и D – соответственно от наибольшей степени такой опасности до ее фактического отсутствия у осужденного. Заключенные категории D содержатся главным образом в тюрьмах открытого типа, то есть тюрьмах категории D.¹

Виды тюремных учреждений:

1) местные тюрьмы предназначены для содержания лиц, ожидающих суда или приведения в исполнение уже вынесенного приговора о тюремном заключении. Тюрем данного вида 40 и в них содержатся приблизительно 26 тыс. лиц, осужденных к тюремному заключению²;

2) распределительные тюрьмы, которые используются для содержания и классификации лиц, осужденных к тюремному заключению, на категории. В тюрьмах подобного вида содержатся приблизительно 3 тыс. заключенных. В основном все заключенные категории А, приблизительно 850 человек, содержатся в этих тюрьмах;

3) исправительные учреждения для несовершеннолетних лиц являются местами, в которых содержатся преступники в возрасте от 15 до 21 года. Таких исправительных учреждений 20 и в них содержатся около 9 тыс. несовершеннолетних преступников;

4) Центры предварительного заключения используются в тех же целях, что и местные тюрьмы, но в них содержатся преимущественно лица в возрасте до 21 года. Данные тюрьмы являются, как правило, структурной частью исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников либо местных тюрем и поэтому не включаются в общую тюремную статистику. Всего таких Центров 31;

¹ Также см.: Пономарев, С.Н. Тюремная система Англии и современное общество : монография / С.Н. Пономарев, А.Ф. Маруков, В.В. Геранин. – Рязань : Академия права и управления Министерства юстиции России, 2002. – С. 21-22.

² Для сравнения: в 1970 году в подобных тюрьмах содержались около 14 тыс. заключенных (см.: Бельсон, Я.М. Суд, прокуратура и тюрьмы в современном буржуазном государстве : учебное пособие / Я.М. Бельсон. – М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. – С. 37).

5) тюрьмы исправительного обучения предназначены исключительно для совершеннолетних лиц, приговоренных к длительным срокам тюремного заключения. Таких тюрем 60, в них содержатся около 25 тыс. осужденных;

6) женские тюрьмы образованы относительно недавно – в 1996 году – и предназначены для содержания совершеннолетних лиц женского пола. Тюрем этого вида 13, содержатся в них около 3 тыс. осужденных женщин;

7) особым подразделением тюремной системы являются три Специальных госпиталя и четыре частные тюрьмы. Последние выполняют в основном функции Центров предварительного заключения.

Первых два вида, а также Центры предварительного заключения относятся к тюрьмам закрытого типа, остальные – к закрытому и открытому типам.

Следует указать на постоянный рост тюремного населения. Так, если в 1992 году его средний уровень находился на отметке 45,5 тыс. человек, то в 1996 году он уже составлял 55,3 тыс., в 1999 году – 64,8 тыс., в 2000 – 64,6 тыс., в 2002 – 70 тыс., в 2004 году превысил 74 тыс., в 2005 году – 76 тыс., в 2006 году – 79 тыс. Планируется, что количество заключенных для мужчин не будет превышать 4% ежегодного роста, для женщин – 9% и для всех категорий к 2008 году составит не более 83,5 тыс. заключенных. Однако заметим, что наблюдающаяся тенденция роста тюремного населения данный прогноз может поставить под сомнение.

Среди осужденных, отбывающих тюремное заключение, лиц женского пола в 2000 году было 3,3 тыс., в 2001 году – 3,7 тыс., в 2002 году – 4,2 тыс., в 2004 году – чуть более 4,5 тыс., в 2005 году – немногим менее 4,7 тыс., в 2006 году – около 5 тыс. Также следует отметить рост числа осужденных в возрасте до 21 года, которых в среднем в 2000 году было 8,5 тыс. человек, в 2001 году – 8,7 тыс., в 2002 году – 10,8 тыс., в 2004 году – 11,4 тыс., в 2005 году – 11,6 тыс. и в 2006 году 11,9 тыс. человек. Наблюдается увеличение числа несовершеннолетних лиц женского пола. Так, в 2000 году в местах лишения свободы содержались

377 осужденных данной категории, в 2001 году – 390, в 2002 году – 467, в 2003 году и в 2005 году – 639 человек. Уголовно-правовая характеристика заключенных свидетельствует о росте числа лиц, отбывающих наказание за совершение посягательств террористического и экстремистского характера, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и снижение числа лиц, отбывающих наказание за совершение преступлений сексуального характера, краж, действий мошеннического характера.

В период с 1992 по 2000 годы средняя продолжительность отбывания тюремного заключения возросла с 21 до 22,2 месяцев, на 2005 год она составила 22, 5 месяцев.¹

Приходится констатировать увеличение числа лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного тюремного заключения. В частности, если 30 июня 2000 года таких заключенных было 4538, то в это же время следующего года – уже 4810, из числа которых 72%, в том числе 3% лиц женского пола, были осуждены за совершение убийств, 10% – за изнасилований, остальные – за иные сексуальные преступления. В 2005 году число осужденных данной категории превысило отметку в 5 тыс.

Вместе с тем наблюдается увеличение числа досрочно освобожденных лиц, осужденных к пожизненному заключению, с 85 лиц в 1996 году, 138 в 2001 году, до 151 в 2005 году. Следует отметить, что в 2005 году 33% из них – это лица в возрасте от 30 до 39 лет, 26 % – от 40 до 49 лет, 23% (в том числе 3% несовершеннолетних преступников) – до 30 лет, 13% – от 50 до 59 лет и 5% – старше 60 лет.

¹ Здесь и далее статистика получена из следующих источников: Prisons Statistics, England and Wales, 2000. – London: Home Office, 2002. – P. 1-3, 52-53; Prisons Statistics, England and Wales, 2001. – London: Home Office, 2003. – P 3-4, 12-13, 15-19, 25, 37, 95, 132-133, 168-169, 181, 184-186, 191, 194-195, 197-198; Hitchens, P. Op. cit. – P. 133, 145; Wortley, R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. – Cambridge : University Press, 2002. – P. 44-45; Prisons Statistics, England and Wales, 2005. – London: Home Office, 2006. – P 4-5, 22-27, 76-79, 168-169, 187-191.

Вместе с тем снизилось среднее число лиц, находящихся в предварительном заключении (уголовно-процессуальная мера пресечения). Так, если в 1999 году таких заключенных насчитывалось 7950, то в 2000 году – 7100, в 2001 году – 6920, в 2003 году – 6874, в 2005 году – 6643. Однако немного увеличилась продолжительность среднего времени нахождения лиц женского пола в местах предварительного заключения – с 36 дней в 2000 году до 39 в 2001 году и 42 дней в 2005 году, для лиц мужского пола – 49 дней как в 2000 году, так и в 2001 году, но 51 день – в 2005 году.

Рассматривая показатели тюремной дисциплины, представим следующие факты. В 2001 году были зарегистрированы 108400 правонарушений, совершенных в тюрьмах, что на 3100 больше, чем в 2000 году. В 2005 году наблюдается прирост таких нарушений на 4,2%. Однако, с учетом уровня тюремного населения, как в 2001 году, так и в 2000 году на 100 заключенных приходилось приблизительно 163 правонарушения, тогда как в 2005 году – уже 167. Вместе с тем в 2000 году на 100 лиц женского пола приходилось 225 таких деликтов, в 2001 году – на 7 больше. Из всей совокупности правонарушений: 6800 – нападения на сотрудников и заключенных, в 2000 году – 7250, в 2005 году – 7387.

Ограничению свободы путем помещения нарушителя дисциплины в специальную камеру в 2001 году были подвергнуты 1839 лиц мужского пола и 131 лицо женского пола, в 2005 году – 1798 и 127 соответственно. Начиная с 1991 года амплитуда случаев ограничения свободы была незначительной и колебалась с 3125 в 1994 году до 1632 – в 2000 году и 1567 – в 2005 году.

Снизилось незаконное преступное употребление и хранение наркотических средств с 15,8 тыс. случаев в 2000 году, 14,3 тыс. – в 2001 году, 13,8 тыс. – в 2005 году. Наблюдается уверенное снижение количества совершаемых побегов осужденных, содержащихся в тюрьмах (с 250 случаев в 1993 году до 42 в 2005 году), и конвоируемых лиц (с 127 случаев в 1993 году до 31 в 2005 году). Хотя лишь не-

значительно уменьшилось количество уклонений от отбывания тюремного заключения, в частности, лиц, не вернувшихся из отпуска. Так, в 1995 году их было 975, в 1996 году – 1134, в 1997 году – 1100, в 1998 году – 942, в 1999 году – 880, в 2000 году – 812 и в 2001 году – 768, в 2003 году – 741 и в 2005 году – 732 человека.

В связи с рассмотрением состояния тюремной дисциплины следует указать, что новые Тюремные Правила, вступившие в силу 1 апреля 1999 года, и Правила деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних лиц, вступившие в силу 1 апреля 2001 года, дали возможность начальнику тюрьмы самостоятельно рассматривать дела о нарушении тюремной дисциплины, поручать их расследование подчиненным офицерам и решать вопрос о направлении дела на судебное рассмотрение или его прекращении. В его правах также отправить дело на расследование полиции.

Две первостепенные организационно-правовые проблемы деятельности тюремной системы Англии и Уэльса: 1) переполнение тюрем¹ и 2) проблема наркоманизации. В частности, в целях решения первой из них в 2004-2005 годах открыты дополнительно 2520 и 2640 новых мест для содержания лиц, осужденных к тюремному заключению (к концу 2006 года планировалось открыть 2687 новых мест), а также более широко применяется институт досрочного освобождения от тюремного заключения. Для решения второй проблемы постоянно совершенствуется система комплексных мероприятий, объединенных единой Правительственной Стратегией борьбы с наркотиками и предметно детализированных в Тюремной Стратегии борьбы с наркотиками.

Говоря о перспективах развития тюремной системы Англии и Уэльса, необходимо обратиться к Корпоративному Плану деятельности Тюремной Службы в период с

¹ Так, максимальное переполнение тюрем от дозволенного уровня составило в 2003 году приблизительно 8 тыс. заключенных.

2003-2004 по 2005-2006 годы включительно, в котором обозначены основные стратегические задачи:

- существенное снижение количества побегов;
- обеспечение безопасных и подходящих условий содержания заключенных;
- повышение и улучшение качества применения досрочного освобождения осужденных от тюремного заключения;
- увеличение количества мест для содержания лиц, осужденных к тюремному заключению;
- улучшение качества работы Службы;
- повышение качества взаимодействия Службы с такими структурами, как Национальная Пробационная Служба, Комиссия по делам досрочного освобождения, Комиссия по делам несовершеннолетних преступников и др.

Кроме того, в Рабочем Плане деятельности Тюремной Службы на 2005-2006 годы в качестве приоритетных задач указываются, в частности, решение проблемы роста самоубийств среди заключенных, которых, например, в 2002 году было зарегистрировано 64, а в 2005 году – 61, и повышение профессионализма среди сотрудников Службы.

Базовый перечень ключевых задач Службы согласно этому Плану следующий:

- недопущение роста количества насильственных преступлений осужденных, содержащихся в тюрьмах;
- контроль над тем, чтобы не более 18% из общего количества лиц, подвергнутых тюремному заключению, содержались по двое в тюремных камерах, предназначенных только для одного человека;
- увеличение числа сотрудников Тюремной Службы, представляющих различные этнические группы, до 5,5% от общего штата;
- обеспечение возможности заключенных иметь не менее 24 часов активного отдыха в неделю;
- удержание уровня самоубийств лиц, отбывающих тюремное заключение, на отметке не более 113 случаев на каждые 100 тыс. заключенных;

- увеличение различных форм вознаграждений заключенных за добропорядочное поведение и труд;
- обеспечение возможности не менее 31 тыс. заключенных получить профессиональные трудовые навыки и образование.

Таким образом, вышеперечисленные задачи, имея лишь рекомендательный характер для их исполнителя, вместе с тем с высокой точностью отражают реальные процессы и желаемые результаты деятельности Тюремной Службы Англии и Уэльса на современном этапе. Безусловно, что деятельность рассмотренной Службы отражает характер современной тюремной политики, анализу которой посвящена следующая глава исследования.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ТЮРЕМНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

С начала 1970-х годов наметился кризис уголовного правосудия Англии, заключающийся в снижении эффективности применения в отношении преступников тюремного заключения и, соответственно, упадке «идеала реабилитации». Отсутствие реальных механизмов профилактики рецидива преступлений, упадок устоявшихся либеральных подходов к преступлению и пенального прагматизма, рабочим звеном которого была стратегия «бифуркации» – проведения четкой границы в методах исправления и карательного воздействия между менее и более опасными для общества преступниками¹ привели к возникновению своеобразной концепции «ничего не работает» («nothing works»), то есть к отрицанию эффективности мер «обращения» с осужденными и даже стремлению показать их полную несостоятельность. В последующие 20 лет научные и правительственные круги Британии осуществляли поиск новых средств исправления осужденных в их приемлемом сочетании с требованиями общества.²

Современная теория выделяет три принципиальных сущностных обобщения политики английского уголовного правосудия – Стратегии А, В и С. Так, Стратегия А основана на доминировании карательных функций наказания в духе идеологии (политики) закона и порядка («law and order ideology») – неукоснительного следования идеи воздаяния и его реализации со всей должной суровостью, но преимущественно с помощью мер уголовно-правового характера и путем совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм.

¹ Brownlee, I. Community Punishment. A Critical Introduction / I. Brownlee. – London and New York : Longman, 1998. – P. 12-13, 18, 75-76, 86, 186; Controlling Crime... – P. 278.

² Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 9-30.

Рассматривая теоретические аспекты вопроса, отметим, что комбинация двух доминирующих философских течений о наказании – философии кары или так называемого ретрибьютивизма (retributivism)¹ и утилитарной теории наказания (utilitarianism)² привело к построению комплекса принципов, на которых базируется современная политика уголовного правосудия Англии:

- справедливого воздаяния;
- специальной и общей превенции;
- защиты общества и удержание осужденных лиц от дальнейшей преступной деятельности;
- возмещения, искупления и компенсации за совершенное преступление;
- исправительного эффекта и реабилитации осужденных лиц.³

Управленческая (административная) Стратегия В, являясь более гибким инструментом в руках системы уголовного правосудия, главным образом используется как средство маневра между соблюдением идеи воздаяния и конъюнктурными интересами общества. Своим идеалом данная Стратегия ставит неукоснительное соблюдение широких прав и привилегий лиц, подвергнутых тюремному заключению, стремится к минимизации назначения тюремного заключения как меры наказания и средств на его исполнение и поддерживает идею исправления и реинтеграции осужденных как законопослушных граждан в самом

¹ Например, см.: Bean, P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry / P. Bean. – Oxford : Martin Robertson, 1981. – P. 72-80; Braithwaite, J. Not Just Deserts. A Republican Theory of Criminal Justice / J. Braithwaite, P. Pettit. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – P. 156-181, 182-201.

² Например, см. статью Н.В. Acton “The Philosophy of Punishment” в кн.: The Philosophy of Punishment. A Collection of Papers / Edited by Н.В Acton. – London: Macmillan, 1969. – P. 9-39; Walker, N. Why Punish? / N. Walker. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. 11-49.

³ Worrall, A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice / A. Worrall. – London and New York : Longman, 1997. – P.10-13.

обществе. Административизм рассматриваемой Стратегии В как проявление прагматизма в английской пенологии более является результатом кризиса конструктивных организационных средств воздействия на преступника, нежели законодательных средств правового регулирования исполнения наказания.

Стратегия С может быть представлена в двух аспектах: как исправление и реабилитация осужденного с помощью средств так называемого восстановительного правосудия, суть которого состоит в широком использовании компенсаций и возмещений жертвам преступлений и (или) обществу. В другом случае сторонники данной Стратегии, поддерживая идею гуманизации и снижения жестокости наказания, все же настаивают на исправлении преступника в русле концепции «заслуженного воздаяния», то есть должного карательного воздаяния, правосудия по заслугам.

С начала 1980-х в тюремной политике превалировала Стратегия А. Начиная приблизительно с 1987 года, в период так называемой «эпохи Харда» (в 1985-1989 годах министром внутренних дел Англии был Дуглас Хард), эта Стратегия становится менее догматичной и более прагматичной. В результате был принят Закон об уголовной юстиции 1991 года, который является результатом нового витка реформы уголовного правосудия Англии и отражает постулаты всех трех стратегий. Так, не отрицая идеологии «закона и порядка», в Законе сочетается достижение целей концепции «заслуженного воздаяния» и решение задачи снижения тюремного населения гибкостью и оперативностью управленческих решений. Анализ данного Закона показывает последовательное претворение в жизнь идеи «наказания в обществе» как альтернативы тюремному заключению. Хотя с 1993 по 1997 годы, в период, когда министром внутренних дел был Михаил Говард, наблюдался отход от этой политики к доминированию Стратегии А. В результате именно в это время был отмечен резкий рост тюремного населения Англии и Уэльса. Так, если с 1990 по 1993 годы его средний уровень находился в пределах от 44552 до 44975, то в 1994 году он уже составлял 48621, в

1995 году – 50962, в 1996 году – 55281 и в 1997 году – 61114 человек.

Таким образом, развитие в английской науке и практике новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию в 1991 года Закона об уголовной юстиции (Criminal Justice Act), который, во-первых, ввел в действие новую модель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в том числе пробацию. Закон утвердил данные наказания как самостоятельные и более не являющиеся только альтернативными мерами тюремному заключению. Было положено начало развитию концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции, но под присмотром различных прогрессивных социальных и иных программ.¹ В силу этого с организационной стороны произошел толчок по направлению, во-первых, расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами и иными государственными, общественными и частными структурами, во-вторых, усиления влияния либо появления таких организаций, как, в частности, The National Association for the Care and Resettlement of Offenders (NACRO) и The National Children's Homes. Была произведена переоценка роли офицеров пробационных служб в деле исправления и реабилитации лиц, осужденных к рассматриваемым наказаниям. С одной стороны, они стали особым «звеном» между судом и осужденным лицом, находящимся в обществе под их надзором. С другой стороны, под влиянием вышеобозначенного Закона и Национальных Стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества, 1992 года (и их пересмотренного варианта 1995 года) офицеры пробационных служб до избрания меры наказания обязаны подготавливать и предоставлять суду отчет с рекомендациями о по-

¹ Worrall, A. Op. cit. – P. 21-33; The Oxford Handbook of Criminology... – P. 1158-1159.

тенциальной возможности назначения «наказания в обществе», его формы и, если это необходимо, дополнительных условиях.¹

Поиск действительно эффективного социального механизма, способного установить баланс между защитой общества от преступных посягательств, должной реабилитацией и исправлением преступника и претворением в жизнь программы «переселения», привел к тому, что с апреля 1997 года произошел окончательный поворот к конструктивному внедрению в практику всех трех Стратегий. Особенно отчетливо и интенсивно развивается идея восстановительного правосудия, программа «переселения» осужденных из тюрьмы в общество и минимизации затрат на использование средств тюремной политики. Например, Стратегия А продолжает влиять, с одной стороны, на увеличение удельного веса тюремного заключения среди иных видов наказания, а также сроков тюремного заключения для наиболее опасных преступников, в частности осужденных за совершение преступлений насильственного и сексуального характера, с другой стороны, на развитие политики «zero tolerance», то есть возведения многих форм девиантного и маргинального поведения (например, бродяжничество, попрошайничество, граффити) в ранг законопослушного², которая, в свою очередь, дала «новое дыхание» стратегии «бифуркации» в ее новом виде – «карательной бифуркации». Суть последней заключается в том, что реализация идеи «наказания в обществе» в настоящее время сопровождается более весомыми ограничениями и контро-

¹ Здесь и далее отдельные сведения приведены из прослушанных в Лестерском университете (Великобритания) лекций доктора права Дона Гатлея в период с ноября 2002 года по апрель 2003 года.

² Подробнее см: Cavadino, M. *Criminal Justice 2000: Strategies for a New Century* (reprint) / M. Cavadino, I. Crow, J. Dignan. – Winchester : Waterside Press, 2001. – P. 28-30; Ashton, J. *What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment* / J. Ashton, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford : University Press, 2001. – P. 142-145.

лем в отношении осужденного в процессе его исправления и реабилитации в обществе.¹

Стратегия В, в частности, корреспондирует так называемой «новой пенологии» и развивается в русле следующей тенденции – от условной названной идеи «ничего не работает» к идее о том, что «кое-что работает». В контексте нашей работы общий смысл «новой пенологии» и указанной тенденции состоит в стремлении переставить приоритеты от идеи ресоциализации и исправления осужденных лиц к концепции безопасности общества. Вопросы безопасности и риска осужденного лица совершить новое преступление выводятся на первый план.² «Новая пенология» в какой-то степени затрагивает интересы исправительного эффекта и широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но, следуя стратегии «карательной бифуркации», или (в рамках данной Стратегии) «карательного административизма», все же не отрицает важности и социальной необходимости дальнейшего развития исследуемых в настоящей работе наказаний.

Рассмотрение данных Стратегий позволяет резюмировать преходящий характер их эволюционного развития. Также необходимо подчеркнуть их обусловленность системой уголовных наказаний, формирование которой также имеет исторические закономерности. В связи с этим важно заметить, что своеобразие английского права практически не позволяет проводить отличие между его правовой теорией и правовой историей, а не изучив истории становления и развития действующих правовых институтов, «трудно понять что-либо в учреждениях этой страны, потому что во всей истории Англии не известно ни одного момента, в который бы эта нация сердцеведов, отрекшись от своего прошлого, признала никуда не годным веками сооруженное здание своих учреждений и придумала бы построить новое

¹ Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 5-7; Pratt, J. Punishment and Civilization. Penal Tolerance and Intolerance in Modern Society / J. Pratt. – London·Thousand Oaks·New Delhi : SAGE Publications, 2002. – P. 147, 151-154.

² Controlling Crime . . . 293-295.

на иных основаниях. Она постоянно оставляла неприкосновенным все существующее, разрушала только действительно уже негодное или, лучше сказать, давала возможность негодному разрушаться, заменяя его более совершенным».¹ Поэтому исследование английского права неразрывно связано с обязательным экскурсом в его историю.

Так, начиная с первой половины XIX столетия в английском законодательстве и практике тюремное заключение имело неизменно доминирующий удельный вес в общем массиве наказаний, которые, однако, не имели четкого законодательного описания и единообразного практического применения. Основная проблема видится в отсутствии понятной дуги карательного эффекта каждого из элементов в лестнице наказаний, единого критерия измерения их репрессивного воздействия, четкого механизма и специфики исправительного воздействия каждого из них. Так, известный английский ученый Кортни Кенни в свое время достаточно критично отмечал, что «используемые в Англии способы применения карательных мер... сами по себе находятся в стадии, которая не может быть охарактеризована иначе, как стадия экспериментальная и переходная»². Развивая мысль, он указывал, что ни «наказания, ни абстрактные учения о наказании, на основе которых они возникли, не могут считаться принявшими ни окончательную, ни даже относительно устойчивую форму. Нельзя также сказать, что наши учения о наказании и принятые в настоящее время способы их применения на практике находятся в логическом соответствии друг с другом».³ При этом многие из вновь возникающих карательных мер сопутствовали тюремному заключению, имели производный от тюремного заключения характер, представляли альтернативный лишению свободы характер либо могли быть за-

¹ Берви, В.В. Очерк судебного управления в Англии / В.В. Берви // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – № 9 (сентябрь). – С. 63.

² Кенни, К. Основы уголовного права / К. Кенни ; пер. с англ. В.И.Каминской ; под ред. Б.С.Никифорова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – С. 35.

³ Там же. – С. 57.

менены тюремным заключением, приобретение интеграционных свойств которого, таким образом, указывает на качественно иной виток развития английского тюрьмоведения. Условием такой трансформации тюремного заключения послужила верификация исправительной идеи наказания, приведшая к выводу о наличии значительных брешей в её практическом воплощении и становлении концепции предупреждения преступности.

В целом можно говорить, что постепенное формирование на протяжении всего XIX века системы наказаний привело к выделению на рубеже XIX-XX столетий пяти основных из них (от более к менее суровым).

1. Смертная казнь. На протяжении всей истории английского государства предусматривалась за совершение многих преступлений; на рубеже XIX-XX столетий назначалась в основном за совершение государственной измены, в том числе за половую связь с супругой, дочерью короля или женой наследника (high treason), преднамеренное убийство (murder), пиратство с применением насилия и поджог морских складов, кораблей, портов. Могла быть заменена в качестве помилования транспортиацией (позже – каторжными работами) либо тюремным заключением. Фактически смертная казнь в Англии и Уэльсе не применяется с 1965 года, однако законодательно данная мера наказания отменена в 1998 году.¹

2. Каторжные работы (уголовное рабство). Данное наказание появилось согласно Закону о каторге 1853 года в связи с частичной заменой транспортиации осужденных на австралийский континент. Полную замену транспортиации (за исключением ссылки в Западную Австралию) каторжными работами предусматривал Закон о каторге 1857 года.

¹ Фактически смертная казнь в Англии и Уэльсе не применяется с 1965 года, однако законодательно данная мера наказания отменена в 1998 году. Достаточно подробный обзор практических аспектов назначения и исполнения смертной казни в Англии XIX в. – первой половины XX столетия дается Н.Н.Полянским (см.: Полянский, Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридическая литература, 1969 – С. 96-102).

Однако окончательно такая замена произошла в 1868 году. Анализируемое наказание назначалось лицам старше 17 лет за все наиболее тяжкие преступления – фелонии (за исключением преступлений, карающихся смертной казнью) только после вердикта малого состава присяжных при предании суду с обвинительным актом – магистратами или по вердикту коронерского жюри. Назначались на срок от трех до двадцати пяти лет, а также пожизненно. Первое время уголовное рабство назначалось на продолжительные сроки, однако со временем срок данного наказания значительно снизился. Так, если в 1872 году к пожизненным каторжным работам были осуждены 152 преступника, то в 1902-1903 годах – 138, в 1913-1914 годах – 128, в 1923 году – 99; на срок свыше десяти лет в 1872 году были осуждены 409 человек, в 1902-1903 годах – 230, в 1913-1914 годах – 111, в 1923 году – уже 33; на срок свыше трех лет – 14011, 1722, 1173 и 574 соответственно; на срок меньше трех лет в 1872 году каторжные работы не назначались, в 1902-1903 годах – 819, в 1913-1914 годах – 1254, в 1923 году – 813. Данная статистика указывает на постепенное снижение актуальности каторжных работ, констатацию их низкой исправительной эффективности и нецелесообразности назначения на продолжительные сроки. Считалось, что тюремное заключение являлось более суровым наказанием в сравнении с каторжными работами, поэтому предусматривалась замена каторжных работ тюремным заключением на срок до двух лет. Уголовное рабство могло назначаться: а) в сочетании с тюремным заключением, то есть после предварительного на незначительный срок (до трех месяцев для рецидивистов и до одного месяца – для остальных) одиночного тюремного заключения, которое имело задачу специального изучения осужденного; б) в качестве самостоятельного наказания.¹ В том и другом случаях осужденные осуществляли тяжелые и дисквалифицирующие физические работы в каменоломнях, на строительстве дорог,

¹ Ruggles-Brise, E. The English Prison System / E. Ruggles-Brise. – Maidstone: Printed at H.M. Convict Prison, 1921. – P. 46.

чистке рек, в сельском хозяйстве и реже в тюремных мастерских. Как и в случае с тюремным заключением, каторжные работы предусматривали условно-досрочное освобождение с предоставлением осужденному отпускного билета, детальная регламентация которого впервые была осуществлена Законом о каторге 1864 года. Отменены были каторжные работы в 1948 году.

3. Тюремное заключение, назначаемое на срок от одного дня до, как правило, двух лет (иногда до трех и даже пяти лет). Рассматриваемое уголовное наказание подразделялось собственно на тюремное заключение и тюремное заключение, соединенное с тяжкими работами (*hard labour*), которое, в свою очередь, предполагало две ступени, женщины в отличие от мужчин попадали сразу же на вторую ступень. Осужденному ко второй разновидности тюремного заключения приходилось первые 28 дней (первая ступень) находиться в условиях келейного ночного одиночного заключения без каких-либо удобств (например, спать без матраца) и выполнять наиболее тяжелые работы или заниматься монотонным физическим трудом (например, на топчаче).¹ За свой труд осужденные, находящиеся на первой ступени, а также лица, приговоренные к тюремному заключению менее чем на один месяц, не получали вознаграждения. За нарушение внутренней тюремной дисциплины заключенного могли оставить в условиях первой ступени до 38 суток. На второй ступени заключенный уже не подвергался наиболее тяжелым физическим работам, значительно улучшались его бытовые условия. По возможности он выполнял какие-либо ремесленные работы совместно с другими заключенными или в условиях одиночного заключения.

Предполагаемый менее суровый в сравнении с каторжными работами характер тюремного заключения, однако, не исключал возможности избрания данного вида наказания в отношении подростка в возрасте старше 14 лет. Окончательное и общеобязательное закрепление для тю-

¹ Выполнение монотонного физического труда окончательно отменено Общим Законом о тюрьмах 1898 года.

ремного заключения низшего, 14-летнего рубежа, было закреплено лишь Законом о детях и несовершеннолетних 1933 года (следовательно, фактически существовала практика назначения тюремного заключения лицам младше 14-ти лет). Справедливости ради, следует отметить, что в отношении преступников в возрасте до 17 лет тюремное заключение избиралось с его отбыванием в специальном доме заключения для несовершеннолетних («remand home»)¹. Указанное свидетельствует о фактическом расхождении нормативных предписаний с фактическим состоянием дел в «лестнице наказаний».

4. Телесное наказание (битье розгами). Отменено в отношении лиц женского пола в 1820 году, в отношении лиц мужского пола – в 1914 году. Однако в отношении последних оно фактически применялось до вступления в силу Закона об уголовном правосудии 1948 года (предтечей данного закона был проект лорда Темпльвуда (сера Сэмюэля Хора) 1938 года). Одна из особенностей наложения данного наказания заключалась в избрании судом точно определенного количества ударов и орудия, которым они будут наложены, особенно по делам о преступлениях, совершенных с применением насилия. При этом в соответствии с Законом о преступлениях против личности 1861 года и Законом о воровстве 1916 года число ударов в отношении мальчиков младше 14 лет не должно было превышать двенадцати, 16 лет – двадцати пяти, наноситься удары должны были исключительно березовыми розгами. В отношении взрослых преступников число ударов не должно было быть больше пятидесяти.

5. XIX век ознаменовал высокую степень законодательной дифференциации штрафа за отдельные преступления. Имела место широкая практика замены данного наказания тюремным заключением с одновременной конфискацией имущества в случае неуплаты штрафа, которая была

¹ В данном случае речь не идет о борстальских тюремных заведениях и их более ранних прототипах принудительного воспитания несовершеннолетних.

ограничена, но лишь «на бумаге» в 1914 году¹, реально – только в 1935 году² (предварительное выяснение имущественного положения виновного, расширение возможности рассрочки и отсрочки выплаты штрафа etc.). В случае замены штрафа тюремным заключением было предусмотрено соотношение от 7 дней тюремного заключения за 10 шиллингов штрафа, 14 дней – за сумму от 10 шиллингов до 1 фунта, 1 месяц – за сумму от 1 до 5 фунтов, 2 месяца – за сумму от 5 до 20 фунтов и заканчивая 3 месяцами тюремного заключения за сумму штрафа, превышающую 20 фунтов стерлингов.

Вместе с тем английским законодательством постепенно вводились и регламентировались иные уголовно-правовые меры, которые по своей юридической природе больше относятся к мерам общественной безопасности.

1. Полицейский надзор применялся с 1871 года и состоял в постпенитенциарном контроле за лицами, с которых еще не снята судимость, на срок до 7 лет. Возникновение данной меры было реакцией уголовной политики на полную отмену в 1868 году ссылки осужденных в Западную Австралию – последнее место назначения транспорти. Отмена ссылки более не позволила метрополии избавляться от наиболее опасных и неисправимых преступников, соответственно, наметившийся рост преступности указывал на необходимость поиска различных форм и методов его снижения. Полицейский надзор явился одним из результатов такого поиска.

При полицейском надзоре в отношении лица, освобожденного, как правило, от отбывания тюремного заключения, реже от каторжных работ, возлагались обязанности сообщать местному полицейскому органу посредством личной явки о месте своего жительства и его изменении,

¹ Так, в 1923 году из 433 тыс. лиц, осужденных к штрафу, для 15 тыс. данное наказание было заменено тюремным заключением в силу уклонения от уплаты штрафа.

² Имеется в виду Закон об уплате денежного штрафа и отправлении правосудия 1935 года (The Money Payments (Justice Procedure) Act 1935).

раз в месяц отмечаться в полицейском органе. Также согласно Закону о предупреждении преступлений 1908 года имела место практика, согласно которой лицо, повторно и более раз осужденное за преступление, по которому преследование возбуждается на основании обвинительного акта, освобожденное от его отбывания, но ведущее подозрительный образ жизни или замеченное в каких-либо подозрительных связях, могло быть подвергнуто тюремному заключению на один год.

2. Борстальский режим, то есть помещение осужденных несовершеннолетних в возрасте от 16 до 21 года в учреждение по типу борстальского на срок от 9 месяцев до 3 лет. В основе данной уголовно-правовой меры лежит «борстальская тюремная система». Борстальский режим применяется на основании Закона о предупреждении преступлений 1908 года и по своей сути представляет законодательно предусмотренную замену тюремного заключения или каторжных работ (сразу же после их избрания или по решению министра внутренних дел уже по отбытии некоторой части) на наказание специального воздействия. Прообраз борстальского режима имел место в «школах-реформаториях» и «индустриальных (ремесленных) школах», которые функционировали с 1854 и 1857 годы соответственно до начала XX столетия.¹

3. Содержание в «убежище для пьяниц и душевнобольных преступников», во-первых, состоящее в избрании в отношении лица, осужденного к тюремному заключению или каторжным работам за преступление, совершенное под влиянием опьянения, и страдающего алкоголизмом, помимо основного наказания дополнительно принудительного лечения от алкоголизма на срок до 3 лет. Данная мера была введена Законом о пьяницах (алкоголиках) 1898 года²

¹ Подр. см.: Тепляшин, П.В. Истоки и эволюция борстальской тюремной системы / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 3. – С. 31-36.

² Как представляется, определенную роль в появлении «убежищ для пьяниц и душевнобольных преступников» сыграл пятый Международный пенитенциарный конгресс, состоявшийся в 1895 году в

(просуществовала лишь до начала 1930-х годов) и предусматривала принудительное содержание в трех специально возведенных к началу XX века государственных исправительных заведениях для пьяниц (реформаториях) или аналогичных заведениях, разрешенных к использованию правительством для этих же целей. Содержание в «убежище для пьяниц» применялось также за систематическое совершение уголовно ненаказуемых проступков в состоянии алкогольного опьянения. Следует отметить, что в соответствии с Законом о детях 1908 года рассматриваемой уголовно-правовой мерой могло быть заменено тюремное заключение, к которому приговорено лицо, страдающее алкоголизмом, за жестокое обращение со своим ребенком или ребенком сожителя (сожительницы). В этом случае помещение в «убежище для пьяниц» производилось на срок не более чем на два года и только с согласия самого осужденного. Во-вторых, в такие «убежища» направлялись душевнобольные, формально совершившие преступления, но не подлежащие применению к ним уголовного наказания. Первая тюрьма принудительного содержания душевнобольных появилась на основе Закона о душевнобольных преступниках 1800 года. Однако не известно, были ли в ней какие-то особые условия обращения с психически больными преступниками. Наибольшую известность получило открытое в 1863 году Бродмурское учреждение для лиц, относящихся к категории невменяемых и совершивших достаточно опасное для общества преступление, за которое формально может быть назначено наказание в ви-

Париже, на котором присутствовали 808 конгрессменов, в том числе 19 представителей Англии. Как известно, данный конгресс наряду с обсуждением других основных вопросов был также посвящен проблеме роста алкоголизма и увеличению числа душевнобольных лиц, склонных к совершению общественно опасных деяний. Было рекомендовано ужесточить контроль за оборотом спиртосодержащей продукции и создать специальные заведения (приюты) для содержания подобных лиц (подр. см.: Закревский, И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс / И.П. Закревский // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 10 (октябрь). – С. 130-133, 138).

де тюремного заключения. В частности, в 1924 году из 768 пациентов данного учреждения 570 находились в нем за совершение убийства или покушение на убийство. Они содержались в достаточно хороших в бытовом плане условиях, без особого принудительного и разрушающего психику лечения, но под постоянным присмотром психиатров.¹

4. Поручительство (ручательство), которое, имея глубокие исторические корни, постепенно приобрело более гибкое применение и превентивное значение. Данный институт, применявшийся в двух формах – *aut bene vivendi* и *aut pacis tenendi*, был известен уже в XI веке и, как казывает известный русский ученый П.И.Люблинский, «поруки были обычным правом (*common law*) англичан, применявшимся по общему правилу»². Назначение и исполнение данной уголовно-правовой меры сопровождалось обязанностью соблюдения определенных условий (например, вовремя загладить причиненный вред, явиться на какой-либо судебный процесс, вести добропорядочный образ жизни) собственно избранным и утвержденным поручителем либо самим осужденным. Как осужденный, так и сам поручитель давали суду специальную подписку, начинающуюся словами: «Я признаю себя обязанным...», что указывало на необходимость соблюдения определенных условий. Такая подписка называлась признанием (своей вины – для осужденного и определенных обязанностей – для поручителя и самого осужденного), поэтому данный институт именуется «*recognizance*», а также «взятием поручительства в сохранении мира» (*Putting under Recognizances*). За нарушение условий поручительства с осужденного или (и) самого по-

¹ Данное обращение с душевнобольными не во всех «убежищах» имело подобный характер. Так, бывшая каторжная тюрьма Паркруст на острове Уайт, переоборудованная для содержания в ней преступников с психическими отклонениями, до 1921 году в своем штате не имела ни одного психиатра, что негативно сказывалось на условиях содержания её пациентов.

² Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – С. 73.

ручителя взыскивался денежный штраф. Иногда определенная денежная сумма истребовалась до начала выполнения условий поручительства и в случае их невыполнения полностью переходила в казну государства. В специальных исследованиях английского института поручительства указывается, что «судьи Англии, почувствовав гуманное стремление к избавлению нравственно неиспорченных или мало испорченных людей, виновных в каком-нибудь маловажном проступке, от слишком обременительного для них наказания тюремным заключением или денежным штрафом, и проникшись стремлением к предохранению виновных от развращающих влияний дурно устроенного тюремного заключения, пришли к сознанию желательности нового шага впредь в деле борьбы с преступностью»¹. Во многом данный институт схож с условным осуждением и является его «прародителем», но главное отличие от последнего заключается в отсутствии специального испытательного периода с наличием тех или иных дополнительных обязанностей. Также поручительство могло быть избрано в отношении лица, еще не осужденного за преступление, то есть как мера пресечения. В этом случае данный институт приобретает уголовно-процессуальный характер залога («bail»)².

5. Превентивное тюремное заключение (иначе «предупредительное заключение» или «предохранительное заключение»), заключающееся в избрании в отношении лиц старше 30 лет, осужденных в четвертый (в исключительных случаях в третий и во второй) и более раз к каторжным работам не менее чем на 5 лет, помимо основного наказания дополнительно тюремного заключения на срок от 5 до 10 лет³ (в среднем на 8 лет). Причем первые три (иногда и две) судимости должны были быть «заработанными», как правило, до достижения 17-летнего возраста. Превен-

¹ Пусторослев, П.П. Иностраные системы освободительного испытания преступников / П.П. Пусторослев. – Юрьев: Типография К.Маттисена, 1905. – С. 10.

² Подр. см.: Люблинский, П.И. Свобода личности... – С. 69-92.

³ Закон об уголовном правосудии 1948 года верхнюю границу превентивного заключения увеличил до 14 лет.

тивное тюремное заключение в силу своих специфических черт первое время не имело широкой практики применения. Так, с 1912 по 1918 годы число осужденных к данной мере ежегодно составляло в среднем от 65 до 81 лиц, в следующие 2 года были приговорены соответственно по 23 человека, в 1921 году – 49, в 1922 году – 27.¹

Данная уголовно-правовая мера, представляющая по формальным признакам наказание-сателлит, введена Законом о предупреждении преступлений 1908 года (реально стала исполняться с 1912 года), в котором устанавливался режим содержания в период превентивного тюремного заключения – такой же, как и при каторжных работах, но с детализированным постепенным смягчением условий отбывания наказания, то есть с соблюдением требований прогрессивной исправительной системы. Законом об уголовном правосудии 1967 года превентивное тюремное заключение в силу буквального следования судами правил его назначения и, следовательно, двойного учета общественной опасности личности осужденного утратило силу. Хотя в 1970-80-х годах превентивное тюремное заключение вновь стало предметом пристального научного внимания (например, со стороны известных английских юристов Дж.Флауда и У.Янга), однако даже на фоне актуализации идеи уголовного воздаяния («just deserts») рассматриваемая уголовно-правовая мера продолжает оставаться за пределами английской системы карательного воздействия на преступников.²

¹ Report of the commissioners of Prisons for the Year ended. – London, 1923. – P. 28.

² Criminology: A Reader / Edited by Y. Jewkes and G. Letherby. – London · Thousand Oaks · New Delhi: SAGE Publications, 2002. – P. 328-329. О содержании современных течений в уголовной политике Англии см.: Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе / П.В.Тепляшин // Человек: преступление и наказание: научный журнал. – 2004. – № 4(48). – С. 87; Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 9-30; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 270-273.

Для отбывания превентивного тюремного заключения предназначалась специальная тюрьма – Camp Hill. Применительно к превентивному тюремному заключению прогрессивная исправительная система включала три ступени (класса):

1) продолжительностью от года до двух лет в обычных условиях (дисциплинарный класс);

2) на неопределенный период в льготных условиях, направленных уже на постепенное смягчение последствий наказания, связанного с лишением свободы (нормальный класс). На этой ступени осужденный в случае добросовестного отношения к труду и за хорошее поведение каждые шесть месяцев получал специальное удостоверение, (дополнительную) нашивку на рукаве и ряд некоторых привилегий на усмотрение надзирателей (дополнительное свидание, увеличение времени на прогулку, улучшение досуга etc.). Четыре вышеозначенных удостоверения давали возможность перейти в следующий класс;

3) специальный класс, характеризующийся так называемым социально-педагогическим режимом, на который переводятся осужденные после тщательной проверки, позволяющей прийти к выводу, что заключенный твердо встал на путь исправления и более не представляет опасности для общества. На этой ступени (классе) осужденные могли проживать в бараках во дворе тюрьмы, им делегировались значительные полномочия по поддержанию внутреннего распорядка, они могли работать за пределами исправительного либо каторжного учреждения, то есть проходили стадию ресоциализации, условия которой схожи с условиями отбывания наказания в переходных тюрьмах Ирландской прогрессивной системы.

Каждые три года дело такого осужденного, который в связи с избранием в отношении его превентивного тюремного заключения становился так называемым «привычным преступником», пересматривалось министром внутренних дел для решения вопроса о досрочном освобождении «под честное слово» (по отпускному билету). Так, находясь на последней или даже на второй стадии превентивного тю-

ремного заключения, осужденный в случае положительно-го поведения и потери опасности для общества мог быть освобожден под честное слово от отбывания 1/6 части оставшегося срока наказания.¹

Именно превентивное тюремное заключение явилось результатом переноса «центра тяжести» с получившей в XIX веке известное значение исправительной идеи наказания как реакции против суровости карательной системы на теорию предупреждения преступности как основной цели уголовного права. Смысл превентивного тюремного заключения состоит в фактическом применении в отношении «привычных преступников» не средств исправления, но мер безопасности, их удаление от общества, когда исправительное учреждение становится в каком-то смысле непригодным для обращения с этими лицами (это являлось отражением несовершенства собственно концепции средств исправления).² Вследствие этого перед правосудием на первый план выдвигается не виновность преступника и нравственные свойства личности, но его опасное состояние для общества. Нагляднее всего об этом свидетельствуют статистические данные. Так, в Англии в 1930 году из 39 тыс. осужденных к тюремному заключению 28 тыс. ра-

¹ Досрочно освобожденные лица подвергались полицейскому надзору, лица, освобожденные по истечении срока превентивного тюремного заключения, направлялись на попечение Центральной организации попечения об освобожденных заключенных (Central After Care Association). Однако обе категории освобожденных имели возможность получить благотворительную материальную помощь со стороны местного общества помощи освобожденным заключенным (Discharged Prisoners Aid Society).

² В связи с этим нельзя не вспомнить слова Марка Анселя: «Предупреждение преступления, признание понятия «опасное состояние», введение в действие мер безопасности, применяемых к отдельным индивидам в силу и соразмерно их личной опасности, – таково будет тогда подлинное содержание термина «социальной защиты»» (Ансель, М. Указ. соч. – С. 25). Не подвергая критике данное высказывание, в целом следует признать логичной и соотносимой цепочку категорий, которые якобы наполняют собой содержание социальной защиты.

нее уже понесли различные виды наказаний, в том числе 20834 отбыли наказание в виде тюремного заключения. При этом из указанных 20834 лиц, отбывших тюремное заключение, 3382 человека ранее отбыли данное наказание от 6 до 10 раз, 2622 – от 11 до 20 раз и 2125 имели свыше 20 судимостей за отбытие наказания в виде тюремного заключения. В связи с этим К.Кенни в 1902 году писал: «Поэтому, если какой-либо преступник так часто оказывается под судом, что становится ясным, что средствами исправления или устрашения невозможно удержать его от совершения преступлений, остается осуществить это предупреждение прямым путем, поместив его в условия изоляции и, таким образом, предотвратив возможность повторения этим лицом преступлений»¹. Официальные заявления специально созданного в начале XX века Комитета по вопросам об упорных преступниках также указывали на то, что стандартные виды наказания «не только не сдерживают преступные наклонности многих лиц, но способны вызвать прогрессирующее ухудшение положения, поскольку они приучают преступников к условиям тюремного существования, которое скорее ослабляет, чем укрепляет их характер».²

В контексте рассматриваемой проблемы целесообразно обратить внимание на весьма интересные в этом плане рассуждения Иоганнеса Анденеса,³ который, сопоставив идеи некарательного воздействия на преступника и общего предупреждения, пришел к выводу о фактической нецелесообразности и бесполезности реализации первой в отношении многих категорий преступников (коррупционных, совершающих экономические преступления и т.п.). В этом

¹ Кенни, К. Указ. соч. – С. 570.

² Report of Departmental Committee on Persistent Offenders. – London, 1932. – Cmd. 4090.

³ Не менее интересно исследование М. Анселя, который концепции «социальной защиты» отводил важную роль двигателя идеи «индивидуального предупреждения» и «исправительного воздействия» на преступника, однако данная концепция не в полной мере вскрывала соотношение между индивидуальной профилактикой и механизмом исправительного воздействия.

случае, по его мнению, «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей»¹. Вместе с тем целью такого «вмешательства» все также остается исправление преступника, но в юридическом смысле, когда осужденному фактически делается попытка внушить невыгодность для него преступать определенные социальные запреты. Безусловно, что, скорее всего, такое воздействие не сформирует нравственной потребности соблюдения социальных норм, но попытается выработать сдерживающий их в определенной мере механизм технического соблюдения. Таким образом, И.Анденес фактически не отказывается от именно исправительного воздействия на определенные категории преступников. Однако для уголовной юстиции начала XX столетия (данная проблема весьма актуальна и в настоящее время) оказалось очевидным, что многие преступники не поддавались ни нравственному, ни юридическому исправлению. Несомненно, идеи и практика специального предупреждения в рассматриваемый период еще находились в «зародышевом состоянии». Вследствие этого появилась новая задача, направленная не на «исцеление индивидов с их асоциальными наклонностями», а на «формирование уважения к социальным нормам». Поэтому система профилактики строилась в том числе и на изменении субстанции наказуемого элемента – действительно некоторой деформации правовой формы и сущности уголовно-правовых мер, их постепенной замене формирующейся системой мер безопасности.²

¹ Анденес, И. Наказание и предупреждение преступлений / И. Анденес ; пер. с англ. В.М. Когана ; под ред. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1979. – С. 83.

² Интересно заметить, что меры безопасности и так называемые меры социальной защиты, получившие значительный заряд социальной энергии и практическое применение в первой половине XX века в Англии, получили дальнейшее развитие в теории санкций международных преступлений. Для изучения данного вопроса следует обратиться к результатам работы Второй конференции по унификации уголовного законодательства, проходившей в Риме в 1928

При всем этом специально созданная в 1932 году ведомственная комиссия, изучавшая вопрос о применении превентивного тюремного заключения, пришла к неутешительному выводу: данная «система не обеспечивает обществу необходимой охраны и не предусматривает специальных видов обращения, в которых нуждаются привычные и неисправимые преступники»¹. По результатам выводов комиссии в 1938 году был подготовлен законопроект о видоизменении рассматриваемого института, который в силу второй мировой войны был принят намного позже в качестве составной части Закона об уголовном правосудии 1948 года.

6. Условное осуждение или испытание (пробация). Отчасти комбинируя поручительство и полицейский надзор, данная уголовно-правовая мера впервые была предоставлена судам в соответствии с Законом о суммарной юрисдикции (сокращенном судопроизводстве) 1879 года в отношении преступников, совершивших уголовно наказуемые деяния, преследуемые в порядке сокращенного судопроизводства (*summary jurisdiction*), и затем Законом об испытании лиц, впервые совершивших преступление, 1887 года, допускающим испытательное освобождение в отношении преступников, совершивших уголовно наказуемые деяния, преследуемые в порядке общего судопроизводства (*indictable offences*). Впоследствии институт условного осуждения был детально расписан Законом об испытании преступников 1907 года. Однако первые случаи освобождения преступника от уже вынесенного приговором суда наказания в виде тюремного заключения под некоторые условия имели место в начале 1960-х годов. Вместе с этим данные случаи имели спорадический характер и хотя не предполагали законодательной основы, но создавали определенный прецедент, оказывающий при общей системе права в Анг-

году, на которой была принята система мер интернациональной защиты и безопасности (см.: Трайнин, А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / А.Н. Трайнин ; ред. и предисл. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1935. – С. 55-57).

¹ Полянский, Н.Н. Указ. соч. – С. 113.

лии важное влияние на формирование уголовно-правовой стратегии борьбы с преступностью. Повышение внимания английских юристов к институту условного осуждения произошло в 1881 году, когда ассоциация имени Говарда заинтересовалась первым в Америке массачусетским вариантом испытательной системы в отношении малолетних правонарушителей, применявшимся уже с 1869 года.¹

До вступления в силу Закона об испытании преступников 1907 года условное осуждение сочеталось с институтом поручительства, то есть применялось в отношении лиц, осужденных впервые к тюремному заключению на срок не свыше двух лет либо телесным наказаниям (реже – штрафу) под страхом уплаты лично или вместе с поручителем определенной суммы денег. Основным условием выступали необходимость добропорядочного поведения и явка в суд по первому требованию судебного чиновника.

Английское правосудие крайне осторожно относилось к нововведению и неохотно избирало условное осуждение. В частности, в период с 1888 по 1893 годы на основании Закона об испытании лиц, впервые совершивших преступление, 1887 года условно были осуждены 10393 преступника, из которых в отношении 938 лиц данная уголовно-правовая мера была отменена в силу несоблюдения поставленных условий.² С 1896 по 1900 годы суды присяжных и четвертые заседания (судебные сессии) на основании указанного закона из 54823 лиц, осужденных к различным видам наказаний, освободили от реального отбывания наказания с испытанием только 123 (0,22%). Вместе с этим в 1896 году суды, осуществляющие уголовное преследование в порядке сокращенного судопроизводства, из

¹ По некоторым данным, с 1870 года (см.: Условное применение наказания // Юридическая летопись. Ежемесячный журнал, издаваемый при постоянном сотрудничестве Н.О.Дерюжинского, А.А.Исаева, Н.М.Коркунова / под ред. Н.Д. Сергеевского. – Год первый 1890. Май. – С. 442 (Хроника научно-литературная)).

² См.: Жижиленко, А.А. Условное осуждение по иностранным законодательствам / А.А. Жижиленко // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 5 (май). – С. 38.

565053 лиц, признанных виновными в совершении преступлений, в том числе малозначительных и административных правонарушений («за нарушение и мира и спокойствия»), оставили на испытании 10427 человек, а в 1900 году из 615493 осужденных за подобные деяния – 14805 человек (всего с 1896 по 1900 годы из 3060009 осужденных 63753 были оставлены на испытании, в том числе 13387 лиц, совершивших преступные деяния), при этом процент условно осужденных лиц, не выдержавших испытания, составлял от 6,2% до 8,5%, затем в 1904 году – 20,5%, в 1905 году – 22,2%, в 1906 году – 28,5% и в 1907 году – 22,6%.¹

Еще больше расширил практику применения условного осуждения Закон об испытании преступников 1907 года, который конкретизировал требования к условно освобождаемым и процедуру такого освобождения, предоставил судам возможность закреплять за данными лицами попечителя для испытания. Согласно данному акту суть испытания заключалась в условной замене наказания в виде тюремного заключения, назначенного на срок не выше двух лет, как судами суммарной юрисдикции, так и судами вышестоящей инстанции испытательным сроком не более чем на три года. Данная замена была возможной при условиях: осуждения лица, достигшего четырнадцатилетнего возраста, впервые; имеющих у него достаточных средств к существованию и определенного местожительства; неудовлетворительного состояния здоровья осужденного преступника с учетом его возраста (слишком юного или, наоборот, престарелого), предшествующего образа жизни, уровня умственного развития, ничтожного характера преступления и иных смягчающих вину обстоятельств (например, провокационного или аморального поведения жертвы насильственного преступления, наличия иждивенцев, полного возмещения ущерба, причиненного преступлением). При этом испытуемый преступник должен был брать на

¹ Имеется и иная статистика, полученная из других источников (см.: Пусторослев, П.П. Иностранные системы... – С. 15-17; Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения... – С. 88).

себя определенные обязанности (при поручительстве их соблюдения как самим осужденным, так и другими лицами или без такого поручительства), заключающиеся в добропорядочном поведении в период условного осуждения, необходимости явки в суд по первому требованию властей, возмещении причиненного преступлением ущерба (не всегда и не свыше 25 фунтов стерлингов, если дело рассматривается судом суммарной юрисдикции) и погашении судебных издержек, соблюдении определенного местожительства, ограничении потребления спиртного и др. Таким образом, квинтэссенция условного осуждения приходилась на определенное испытание, но не на простую отсрочку реального отбывания наказания. Также суд мог закрепить за испытуемым так называемого попечителя для испытания из числа должностных лиц суда или других ответственных и имеющих положительную репутацию лиц, в обязанности которых входили контроль за условно освобожденным, извещение суда о его результатах, посильная помощь в поисках работы, в даче советов и добром отношении. В 1933 году на испытание были поставлены свыше 16 тысяч осужденных к тюремному заключению, менее чем 5% из них совершили преступления за первый год probation. Подобный успех условного осуждения (например, в отличие от схожего французского института – *Liberté surveillée*, введенного в 1912 году, который не оправдал ожиданий¹) был обусловлен, с одной стороны, серьезным отношением английского правосудия к институту попечительства, сре-

¹ Одними из первых исследователей института условного осуждения отмечается, что «наблюдение и попечение над преступниками» в период условного осуждения не свойственно для уголовно-правовых систем континентальных государств (в частности, см.: Чубинский, М.П. Указ. соч. – С. 441). О социально-нравственной обусловленности рассматриваемого института см.: Инфлянд, П.А. Мысли судьи об Уголовном уложении и институте условного осуждения / П.А. Инфлянд // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 10 (декабрь). – С. 1-18); Жижиленко, А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. – С. 52-62).

ди которых были лица, имеющие специальную подготовку либо обладающие качествами «сильного миссионерского духа, основывающегося на религиозных убеждениях»¹, с другой – неохотным применением судами условного осуждения в отношении таких тяжких преступлений, как подделка денег, подлог документов или причинение тяжкого телесного повреждения, а также в случаях, когда осужденный ранее уже был подвергнут условному осуждению, но не справился с условиями испытания и был подвергнут наказанию в виде тюремного заключения.

Неисполнение испытуемым условий условного осуждения влекло его отмену и направление лица, не выдержавшего испытание, для отбытия наказания в виде тюремного заключения либо, сохраняя условия probation, назначалось дополнительное наказание в виде штрафа до 10 фунтов стерлингов.² В случае если испытуемый давал денежное ручательство перед судом об исполнении условий probation и впоследствии нарушал его, сумма обращалась в доход суда. Однако суд мог «простить» осужденного, обратив в свою пользу лишь часть этой суммы либо даже возвратить её в полном объеме лицу, нарушившему условия испытания, или его поручителю.³

¹ Кенни, К. Указ. соч. – С. 577. Вместе с тем лишь только с 1936 года по рекомендации Комитета по общественной деятельности (Social Services Committee) чиновники, а также специально подготовленные лица по делам об испытании преступников получили самостоятельный статус и оплату (денежное вознаграждение) за полный рабочий день.

² Наказание в виде штрафа, назначаемое за нарушение условий probation, было предусмотрено практически с момента существования законодательно оформленного института условного осуждения Законом об испытании преступников 1907 года. В дальнейшем порядок применения данного наказания неоднократно детализировался такими законами, как, например, Закон об уголовном правосудии 1925 и 1926 годов.

³ Подр. см.: Дженкс, Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Э. Дженкс ; пер. Л.А.Лун ; предисл. М.М.Исаева и

Следует заметить, что условное осуждение и превентивное тюремное заключение являются «двумя сторонами медали», то есть проявлениями концепции «сокращения или удлинения назначенного судебным решением наказания». Данная концепция возникла в конце XIX столетия в ответ на наметившийся кризис исправительной идеи наказания и принципа «воздающей справедливости» и, с одной стороны, явилась своеобразным способом решения проблемы соразмерности наказания, с другой – возвышением значения теории предупреждения. При этом решение проблемы соразмерности наказания проявлялось посредством возрастающей связи между задачами уголовного судьи и реализацией назначенного им наказания. Одной из причин успешного (широкого) применения условного осуждения в начале XX века следует признать кризис (традиционной) исправительной идеи наказания в виде тюремного заключения и недостатки карательной системы в целом, при котором слишком короткий срок лишения, адекватный определенному размеру штрафа, перестал удовлетворять ожидания в позитивном реформировании преступника¹, тогда как длительные сроки также не оказывали должного влияния, но зачастую лишь укореняли негативные криминальные и асоциальные качества личности, что спровоцировало применение наказания в виде превентивного тюремного заключения. В частности, первыми исследователями данного вопроса условное осуждение рассматривалось как «продукт нашего времени, уродливое дитя наших уродливых карательных систем. Если несовершенно наказание как средство правоохраны, то по необходимости приходится отыскивать такие меры, которые могли бы парализовать

Л.А.Лунц. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции Союза ССР, 1947. – С. 182-189; Кенни, К. Указ. соч. – С. 570-578.

¹ Так, тюремные надзиратели на рубеже XIX-XX столетий отмечали, что «со старыми преступниками легче управляться, чем с теми, которые осуждены впервые, потому что для первых рутина жизни в тюрьме превратилась в нечто привлекательное» (см.: Кенни, К. Указ. соч. – С. 590).

или устранить его недостатки»¹. Также интересна позиция С.К.Гогеля, указывающего на появление условного осуждения как на следствие «распадения тюрьмы» к концу XIX столетия, то есть «прогресс, удовлетворение весьма правильного требования об индивидуализации наказания»². Более того, нельзя не вспомнить отрицательную роль тюрьмы в «клеймении» бывшего осужденного, его десоциализации, обнищании семьи, утрате социально полезных связей и т.п. негативных явлениях, имеющих особое проявление в европейском обществе XIX столетия.

На кризис (уже ставшего традиционным) исправительного эффекта тюремного заключения указывает и то обстоятельство, что условное осуждение и «предохранительное заключение» на законодательном уровне появились фактически в одно и то же время. Однако условное осуждение постепенно трансформировало исправительную идею наказания, выдавив её за рамки наказания в виде тюремного заключения и обличив в несколько иную, открытую для общества форму, тогда как превентивное тюремное заключение приобрело больше значение меры общественной безопасности и значительно сузило исправительную компоненту наказания.

¹ Фалиев, Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения / Н.И. Фалиев. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. – С. 43

² Безусловно, что данная позиция не лишена существенных изъянов, но она заслуживает особого внимания и осмысления уже лишь только ввиду её взаимосвязи с исправительной идеей наказания (см.: Гогель, С.К. О желательности и возможности введения в России института условного осуждения / С.К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 7 (сентябрь). – С. 45-46).

ГЛАВА IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В силу сложившихся особенностей английской правовой модели, характеризующейся традиционностью прецедентного права и слабой кодификацией статутного, правовое регулирование исполнения наказания в Британии продолжает основываться на сочетании судебных прецедентов и норм уголовного, уголовно-исполнительного и тюремного права, в частности Законов об уголовной юстиции 1991 года и 1993 года, Закона об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 года, Уголовного (об осуждении и наказании) Закона 1997 года, Уголовного Закона о нарушении общественного порядка 1998 года, Закона о полномочиях уголовных судов 2000 года. В основе деятельности исправительной системы Англии и Уэльса лежит сочетание норм Тюремных Правил 1952 года и их новой версии 1999 года.

В соответствии с Тюремными Правилами 1952 года образованы действующие и по настоящее время Ревизионно-контролирующие Комиссии (или иначе Комиссии посетителей – Board of Visitors). Данные Комиссии (вневедомственный контролирующий орган) прикреплены почти к каждой тюрьме, состоят приблизительно из 15 членов и выполняют две основные функции: 1) инспектирование и контроль условий содержания заключенных и 2) рассмотрение их жалоб. Комиссии тесно взаимодействуют с Тюремными инспекциями (ведомственный контролирующий орган), образованными в 1982 году, являющимися составной частью Службы и осуществляющими «контроль эффективности и корректности деятельности тюрем», а также группой комиссионеров из числа парламентариев, основной задачей которых является независимое расследование отдельных жалоб лиц, находящихся в тюремном заключении либо проходящих пробацию, о наиболее серьезных нарушениях их прав.¹

¹ Richardson, G. Law, Process and Custody: Prisoners and Patients / G. Richardson. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1993. – P. 72-74,

Однако указанные органы имели определенные недостатки, в частности, рассматриваемые Ревизионно-контролирующие Комиссии. Нельзя не упомянуть об их третьей функции: рассмотрение наиболее серьезных дел, связанных с нарушением заключенными режима – установленного порядка исполнения и отбывания тюремного заключения. Последняя функция в течение долгого времени была предметом критики многих юристов, которые считали, что она несовместима ни с первой, ни со второй функциями и является причиной слабой собственно контрольной функции. В апреле 1992 года данная функция была изъята из компетенции органа, но, несмотря на это, общие недостатки (низкий уровень профессионализма, затрудненность доступа и длительный срок рассмотрения жалоб при отсутствии гарантии получения на нее мотивированного ответа) оставались, что заставило правительство задуматься о создании принципиально нового органа, который смог бы более эффективно разрешать жалобы заключенных, чем Ревизионно-контролирующие Комиссии и Тюремные инспекции.

В результате в начале 1990-х годов Ассоциация членов комиссий посетителей (вневедомственный орган, координирующий деятельность Ревизионно-контролирующих Комиссий) и одна из фракций парламента – Parliamentary All-Party Penal Affairs Group – начинают активно продвигать идею Омбудсмана (Уполномоченного) по делам тюрем и пробации (Prison and Probation Ombudsman). Реакцией Тюремной Службы стало сообщение о скором создании подобного института. Во многом этому способствовал и так называемый парламентский «доклад Вульфа» (The Woolf Report), в котором говорилось о несовершенстве системы рассмотрения жалоб осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, которая не удовлетворяет современным условиям, поскольку процедура в ней затянута, да и сам доступ чрезвычайно затруднен. В докладе было рекомендовано Министерству внутренних дел создать Су-

79-82, 100, 129, 160-162 etc.; Livingstone, S. *Prison Law: Text and Materials* (reprint) / S. Livingstone, T. Owen. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – P. 30-40.

дью по жалобам (Complaints Adjudicator), который выполнял бы две основные функции: 1) в процедуре обжалования его роль сводилась бы к даче заключенному рекомендаций, советов и консультаций по поводу того, как лучше защитить свои права, причем все это делалось бы на последней стадии процедуры; 2) по дисциплинарным делам он выступал бы в качестве последней инстанции, куда мог бы обратиться с жалобой заключенный. Согласно предложениям Судьей по жалобам могло быть лишь лицо, обладающее высшим юридическим образованием и опытом адвокатской деятельности не менее 7 лет.

В рассматриваемом докладе указывалось на необходимость установления в деятельности Судьи по жалобам сроков, в пределах которых он должен ответить заключенному, подавшему жалобу. В докладе рекомендовалось ввести 12-недельный срок, по истечении которого заключенный, обратившийся с жалобой, должен был бы получить мотивированный ответ.

Правительство одобрило данные рекомендации, хотя данный институт получил название Омбудсмен по делам тюрем и probation. Назначение первого омбудсмана произошло в конце 1993 года.

Рассматривая правовые основы данного института, важно указать, что законодатель отказался наделить его государственно-властными полномочиями, но лишь консультативными. Например, омбудсмен не может в принудительном порядке потребовать от соответствующего органа выплатить компенсации заключенному, чьи права нарушены действиями этого органа, но он может проконсультировать заключенного о том, как лучше поступить ему в сложившейся ситуации, или же, приняв жалобу к рассмотрению и проведя расследование, вынести «официальную рекомендацию» органу, нарушившему права заключенного.

В консультативной статье, изданной в марте 1992 года в Лондоне под названием «Независимый Судья по жалобам заключенных в тюрьмах», Тюремная Служба определила пять видов дел, в рамках которых омбудсмен мог рассматривать поступавшие жалобы. Они касались решений, свя-

занных с досрочным освобождением заключенного, с взятием его на поруки, решений относительно перевода заключенных из одной тюрьмы в другую или обычных условий содержания в строгие, решений, касающихся справок, выдаваемых тюремными докторами, действий Ревизионно-контролирующих Комиссий за исключением, дел по которым заключенный выступал субъектом гражданского или уголовного процесса. С незначительными изменениями данная категория дел продолжает рассматриваться тюремным омбудсменом.

Поднимая вопрос о соотношении юрисдикций Уполномоченного по делам тюрем и пробации и Парламентского уполномоченного по делам администрации (Parliamentary Commissioner for Administration), следует заметить, что в настоящий момент подмены юрисдикции нет (такое наложение юрисдикций потребовало бы от законодателя внесения поправок в закон о Парламентском уполномоченном 1967 г., что на сегодняшний день не сделано) и, соответственно, заключенные все еще свободны обращаться к Парламентскому уполномоченному через члена Парламента, когда они полагают, что Тюремная Служба была виновна в «плохом управлении». Практически такие жалобы редки, так как их рассмотрение затягивается на многие месяцы. Представляется, что в случае появления специального уполномоченного по делам осужденных в России данный вопрос может быть успешно решен за счет четкого законодательного разграничения категорий дел, подведомственных Уполномоченному по правам человека и Уполномоченному по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Оценивая деятельность английского омбудсмана по делам тюрем и пробации на современном этапе, следует заметить, что в целом он эффективно справляется с возложенными на него обязанностями. Об этом говорит тот факт, что за 2001-2002 годы число обратившихся за помощью заключенных возросло на 30%, по 1107 делам было проведено независимое расследование, что на 112% превышает итоги прошлых лет; в 2005 году обратившихся осужденных в этот орган было уже более тысячи. Уполномоченный по делам тюрем и пробации поддержал жалобы

заклученных по трети дел, вынес более 340 «официальных рекомендаций» руководству Тюремной Службы, из которых все, за исключением четырех, были приняты. При этом как раз наибольшее количество дел связаны с жалобами заключенных на действия тюремной администрации, которые, по мнению самих осужденных, нарушили их права.¹

Таким образом, с социально-политической точки зрения английский омбудсмен по делам тюрем и пробации выступает как динамично сбалансированный правовой институт, не входящий в структуру тюремных органов и не подчиненный Министерству внутренних дел, и в силу своей независимости способный более эффективно удовлетворять насущные социальные запросы в области соблюдения прав заключенных, чем традиционные институты.

Важно отметить давно назревшую проблему правового регулирования деятельности тюремной системы. Так, в основе ее регулирования лежит сочетание Тюремных Правил 1952 и 1999 годов. Причем юридическая основа положений, связанных с назначением и функциями системы, ее структурой и обязанностями министра внутренних дел и главы Тюремной Службы, находится в Правилах 1952 года. Однако, с одной стороны, сам документ, который, как отмечают специалисты, и без того содержал много «архаики» XIX века, по существу не был прогрессивным и не способствовал кооперации и международному сотрудничеству в области тюремного ведения², «морально» устарел и в значительной степени не отражает интересов уголовной юстиции. С другой стороны, Правила 1999 года также не отвечают современным требованиям исправления лиц, подвергнутых тюрем-

¹ См.: Тепляшин, П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт / П.В. Тепляшин // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с её вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) ; отв. ред. И.Е. Жмаков. – Красноярск : Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. – С. 141-145.

² Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 205, 223-224.

ному заключению, и деятельности Ведомства в целом. Отмечается «бедность» их описательной части, непоследовательность в регулировании деятельности тюремной системы, недостаточное предоставление осужденным новых прав и привилегий. В результате новые Правила не имеют должного выражения в деятельности Службы.¹ На это, в частности, указывает тот факт, что они не находят своего отражения в ежегодных отчетах Тюремной Службы.

В п. 51 рассматриваемых Тюремных Правил закреплён Полный список правонарушений против тюремной дисциплины. Вместе с тем проблема состоит в том, что некоторые из этих правонарушений являются типичными уголовными преступлениями, в частности нападение и угроза физического насилия либо кража, тогда как другие могут включать словесное оскорбление, брань, симулирование обязательного труда. Однако наиболее неясное и спорное во всех правилах то, что в них чувствуется недостаток дифференцированного подхода к различным правонарушениям. Это была так называемая «всеохватывающая» («catch-all») модель, включенная в предварительную версию Тюремных Правил 1999 года, которая в равной степени запрещала совершение любых правонарушений в отношении тюремного порядка и дисциплины. Дисциплинарные санкции, налагаемые директором тюрьмы, были значительно расширены министром внутренних дел Майклом Говардом. В частности, с апреля 1995 года имеющиеся традиционные санкции были дополнены такими мерами, как вынесение предупреждения, поражение в привилегиях на срок в 42 дня, исключение из рабочей или иной ассоциации на срок в 21 день, приостановка выплат денежного довольствия на 42 дня либо снижение таких выплат, заключение в одиночную камеру штрафного типа до 14 дней, присуждение дополнительных 42 дней отбывания наказания (ранее данная мера была известна как (неограниченная во времени) утрата освобождения от наказания).

Причина рассмотренных проблем видится в том, что состояние тюремной дисциплины подверглось значитель-

¹ The Oxford Handbook of Criminology... P. 1123-1124.

ным изменениям с начала 1970-х годов. Однако эти изменения остались без законодательного сопровождения важнейших нормативных актов.¹

Тюремные Правила 1952 года в секции 47(1) уполномочивали министра внутренних дел предпринимать меры для соблюдения дисциплины и соответствующего контроля за заключенными. Согласно секции 47(2) это заключалось в том, что все правонарушения, предусмотренные Правилами, рассматривались в пределах Тюремной Службы. Следовательно, процедура работы с нарушителями тюремной дисциплины находилась в прямой зависимости от состояния правовой материи Тюремных Правил. Вместе с тем суды Англии были стеснены их конституционным положением, поэтому имели своеобразный лимит компетенции и строгую юрисдикцию вынесения судебного решения по делам данной категории. Хотя Европейский Суд и Комитет по правам человека на тот период времени имели разработанный механизм вынесения решений в рассматриваемой области.

В середине 1970-х годов основным направлением воздействия на дисциплинарную систему стала постепенная организация внешнего вневедомственного контроля. Этот процесс более имел административный характер, нежели чем юридическое оформление. В основу традиционно функционирующей с 1899 года дисциплинарной системы и ее процедур была положена военная модель поддержания дисциплины.² Считается, что уровень дисциплинарных правонарушений значительно снизился под влиянием варианта Правил 1964 года, которые классифицировали их на «серьезные» и «особо серьезные»: данные правонарушения, некоторые из которых являлись преступлениями, охватывали мятежи и физическое насилие, симулирование обязательного труда либо небрежное отношение к нему. Правонарушения, в соответствии с их характером, рассматрива-

¹ Richardson, G. Op. cit. – P. 150.

² Подр. см: Тепляшин, П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения : монография / П.В. Тепляшин. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – С. 168-169.

лись директором тюрьмы, Ревизионно-контролирующими Комиссиями либо реже – офицером Министерства внутренних дел. В некоторых наиболее серьезных случаях дела о правонарушениях передавались полиции. На практике подавляющее число правонарушений рассматривались директором учреждения, именно он выносил соответствующие решения по 95% дел. Санкции в основном заключались в приостановке выплат денежного довольствия, поражении в привилегиях, заключении в одиночную камеру штрафного типа и в «особо серьезных» случаях – неограниченной во времени утрате досрочного освобождения от наказания (данная формулировка имела место до 1989 года).¹

Как результат в 1970-х годах на фоне явно незначительных юридических гарантий соблюдения прав осужденных усилилась критика существующей дисциплинарной системы. Указывалось, что ни директор тюрьмы, ни члены Тюремной инспекции не имеют необходимой юридической компетенции и обладают лишь «мнимой независимостью». Так, директор – фигура сугубо корпоративная; формальная независимость инспекции в глазах заключенных часто дискредитировалась благодаря закрытым отношениям этого органа с управлением тюрьмы. Отмечалось, что комиссии сочетали две по существу несовместимых функции: наблюдение и дисциплинарный трибунал. Что касается фактической процедуры, Тюремные Правила 1964 года в пункте 49 единственно оговаривали, что в любом расследовании виновности заключенного последний должен иметь полный доступ к материалам дела и возможность собственной защиты. Вместе с тем без внимания в Правилах оставались очевидность процедуры, перекрестный допрос, вопрос о возможных представителях, бремя доказательства и взаимоотношения с судом, которые таким образом не регулировались Правилами (де-юре), но справедливости ради заметим, что спорадически использовались на практике (де-факто).

Интересен тот факт, что на фоне такой дискуссии в 1975 году член парламента Лорд Деннин (Lord Denning) предложил еще более жесткую систему тюремной дисципли-

¹ Richardson, G. Op. cit. – P.151.

лины, которая, в частности, исключала все возможные средства юридической защиты заключенного и, основываясь на военной дисциплинарной модели, должна была отличаться более сокращенной и ускоренной процедурой. В этом же году другим проектом предлагалось снабдить Тюремные комиссии судебными функциями (Комиссия Джеликэу), тот же проект был предложен в 1983 году.

Лишь в 1978 году, насколько это было возможным на фоне общей уголовной политики, суды были «приближены» к тюремной дисциплинарной системе. Так, Апелляционный суд оставил свое традиционное невмешательство в данную сферу и открыл комиссии для судебного контроля. Апелляционный суд потребовал от нижестоящих судов в порядке *certiorari* (приказа вышестоящего суда, как правило, нижестоящему, в нашем случае – Апелляционного суда) аннулировать незаконно и несправедливо вынесенные комиссиями наиболее строгие дисциплинарные взыскания, включая утрату досрочного освобождения от наказания за правонарушения и особенно связанные с групповыми нарушениями дисциплины (в соответствии с Hull Prison riot of 1976). Предполагалось, что избранная судебная процедура *certiorari* не будет дискредитировать решений комиссий как это могло бы быть в ином случае.¹ Фактически произошло, что Тюремные комиссии, выполняя дисциплинарные функции и являясь субъектами общих принципов организации правосудия, стали в какой-то степени осуществлять и судебные функции, при этом суды не оказывали особого давления на деятельность данных комиссий. Лишь после таких изменений в правовом регулировании и фактическом состоянии дисциплинарной практики произошел существенный «сдвиг» в закреплении юридических гарантий прав и свобод осужденных лиц, отбывающих тюремное заключение.

Представляется необходимым затронуть еще одну «проблему в перспективе» правового регулирования тюремного заключения, суть которой заключается в реализации программы «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправления преступников вне изоля-

¹ Richardson, G. Op. cit. – P.152-153.

ции, но под «присмотром» различных прогрессивных социальных программ. В рамках тюремной системы исполнение этой программы возлагается на наиболее широкое применение института досрочного освобождения. Однако здесь имеется проблема, связанная, с одной стороны, со взаимодействием Службы с Национальной Пробационной Службой и Комиссией по делам досрочного освобождения в решении задачи «переселения» лиц, отбывающих длительные сроки тюремного заключения, с другой стороны, с поиском действительно эффективного социального механизма, способного установить баланс между защитой общества от преступных посягательств, должной реабилитацией и исправлением преступника и претворением в жизнь программы «переселения».¹ Определенные шаги система английского правосудия в этом направлении делает, что связано, например, с развитием концепции «социальных наказаний», таких социальных программ, как «casework», направленных на изучение проблем и потребностей лиц, нуждающихся в социальной поддержке, и др.²

Таким образом, развитие правового регулирования исполнения соответствующего наказания происходит в русле решения комплекса взаимосвязанных проблем, касающихся повышения качества и конструктивности взаимоотношения заключенных и сотрудников системы, реального, а не формального расширения прав и возможных привилегий заключенных, развития и постоянного претворения в жизнь идеи «позитивного и гуманного заключения»³, снижения стигматизации заключенных путем соответствующего отношения к ним и предоставления всех возможных удобств, доступных для общества.

¹ The Oxford Handbook of Criminology . . . P. 1158-1159; Richardson, G. Op. cit. – P.151-167.

² Также см.: Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе. – С. 84-90.

³ Doherty, M. Criminal Justice and Penology / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2000. – P. 221-230; Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 205-216.

ГЛАВА V. ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как уже было указано, существует несколько видов тюрем и только два типа – открытые и закрытые. В основу подразделения тюрем на виды положен функционально-содержательный критерий – достижение конкретных задач уголовного правосудия, на типы – формально-дисциплинарный – степень охраны заключенных, которая зависит от большей или меньшей предполагаемой опасности побега заключенного. Все заключенные в зависимости от вероятной степени опасности совершения ими побега подразделяются на четыре категории – А, В, С и D. Заключенные категории D содержатся главным образом в тюрьмах открытого типа, то есть в тюрьмах категории D. В системе указанных тюрем существуют специально предназначенные для отбывания наказания несовершеннолетними преступниками, лицами, совершившими насильственные преступления, общественно опасные деяния сексуального характера и другие категории осужденных в зависимости от их уголовно-правовых и социально-демографических характеристик. В рамках данной работы сложно описать особенности исполнения тюремного заключения в отношении каждой из указанных категорий осужденных. Поэтому необходимо осветить лишь некоторые средства и подходы к исправлению преступников, которые носят инновационный характер и поэтому представляют значительный интерес для рассмотрения.

Так, для каждой категории преступников предусмотрена собственная концепция привилегий и стимулирующих мер, система которых была введена в 1995 году. Это было осуществлено при активном участии министра внутренних дел Майкла Говарда (Michael Howard). Главные изменения касались расширения возможностей общения заключенных с внешним миром, то есть расширения института отпусков, выходов по различным причинам за пределы тюрьмы, ви-

зитов со стороны родственников и близких лиц, а также более гибкой индивидуализации применения указанных мер и иных привилегий в зависимости от соблюдения осужденными лицами режима тюремных учреждений. Указанные изменения распределились на три условных уровня:

- основной – уровень элементарных законных прав заключенного, которыми он может воспользоваться независимо от его поведения во время отбывания наказания;

- стандартный – выше минимальных законных требований;

- повышенный – когда лицом, отбывающим тюремное заключение, становится возможным получение дополнительных прав и привилегий.

Упомянутые дополнительные права и привилегии включают:

- возможность распоряжаться наличными деньгами, сумма которых выше установленного минимума;

- разрешение на использование собственной одежды, а не специального образца;

- предоставление дополнительного времени нахождения вне камеры;

- дополнительные визиты со стороны родственников и близких лиц;

- предоставление отпусков и выходов по различным причинам за пределы тюрьмы (в основном для заключенных категории D).

Данная схема также используется и при конкретной ситуации, когда переход заключенным от одного уровня к последующему – как в порядке прогресса, так и регресса – зависит от поведения осужденного. Рассматриваемая схема повышает роль системы «планирования исполнения наказания» и выполняет функции поддержания дисциплины, способствует улучшению взаимоотношений между заключенными и сотрудниками тюрьмы.

Система «планирования исполнения наказания» в тюремную систему была привнесена в 1992 году. Основное ее назначение состоит в планировании получения осужден-

ными лицами социально полезных навыков и умений, причем желательны наиболее подходящих индивидуально для каждого лица, исполнения специальных программ, например избавления от наркотической или алкогольной зависимости, «обращения» с лицами, осужденными за совершение преступлений сексуального характера. Таким образом, в отношении каждого осужденного лица осуществляется специально подобранный комплекс воспитательных, образовательных, лечебных и иных необходимых мероприятий, результаты которых, а также досье на его поведение частично доступны и для самого заключенного.¹

Рассматриваемая система стимулировала улучшение качества содержания осужденных. В частности, в 2001 году 11204 заключенных содержались по двое в одной тюремной камере, что на 2,4% меньше, чем в 2000 году. В 2005 году лишь немногим более 8 тыс. осужденных к тюремному заключению содержались по двое в одной камере. Вместе с тем до сих пор остается относительно высокий уровень суицидов.

Важно обратить внимание на увеличение числа предоставляемых отпусков и кратковременных выходов за пределы тюрьмы. В частности, если в 1997 году их было предоставлено 227078, то в 1998 году – уже 255886, в 2000 году – 256837, в 2001 году – 270122, а в 2005 году – более 275 тысяч. Также возрастает количество лиц, досрочно освобожденных от отбывания тюремного заключения. Если в 1997 году досрочно освобожденных лиц было 2006, то в 1998 году – уже 2383, в 1999 году – 2561, 2000 году – 2584, в 2001 году – 2791, в 2003 году – 3113, в 2005 году – 3198.

Уровень охраны, мер безопасности и оперативно-розыскных мероприятий в тюрьмах определяется тем минимумом, который необходим для поддержания безопасности в тюремном учреждении и предотвращения побегов заключенных. В этом плане представляет определенный ин-

¹ Davies, M. Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales / M. Davies, H. Croall and J. Tyrer. – 2nd ed. – London : Longman ; Pearson Education, 1998. – P. 330-331.

терес Лестерская местная тюрьма категории В, расположенная в городе Лестер и предназначенная в основном для содержания осужденных мужского пола, отбывающих наказание за совершение корыстно-насильственных преступлений, в том числе совершенных повторно, а также для досудебного содержания лиц. В данной тюрьме как таковая оперативно-розыскная деятельность не осуществляется. В определенных целях используется информация, полученная в обычном порядке от самих заключенных, а также от сотрудников тюрьмы. В соответствии с графиком, но не чаще чем один-два раза в месяц, проводятся осмотры либо тщательные обыски режимных помещений. Хотя любой заключенный (в некоторых случаях в ночное время) может быть подвергнут личному досмотру, данные мероприятия проводятся в основном в целях профилактики наличия у заключенных наркотиков. Сотрудниками отдела безопасности осуществляется регистрация и цензура поступающей к заключенным корреспонденции (посылки, продуктовые и вещевые передачи от родственников и иных лиц запрещены).

Нарушения тюремной дисциплины происходят не часто. Что касается Лестерской тюрьмы, самыми распространенными из них являются недозволенное общение осужденных, относящихся к отдельным группам, и нарушение распорядка дня. В качестве дисциплинарного взыскания налагается штраф, при повторном нарушении дисциплины – водворение в штрафной изолятор, который состоит из камер двух видов: общих штрафных и нескольких камер «интенсивной терапии» (бетонный пол и матрац). Однако в момент посещения тюрьмы в июне 2003 года все эти камеры были пусты (в это время численность содержащихся в тюрьме составляла 360 заключенных).

Осужденные в Лестерской тюрьме содержатся в одиночных камерах. Однако содержание в одиночных камерах осуществляется не по причине строгости условий содержания, а представляет собой меру, направленную на обеспечение права осужденного на личную неприкосновенность, а следовательно, безопасность. Применение физической силы и специальных средств в отношении заключен-

ных применяется достаточно редко, как правило, в случаях явных хулиганских действий, для предотвращения побега и восстановления внутреннего порядка при массовых беспорядках. Однако даже в случаях массовых беспорядков, как это было, например, 2 июня 2003 года в тюрьме Вилстан¹, их пытаются пресечь без применения физической силы либо специальных средств путем переговоров и выжидания прекращения беспорядков самими осужденными.

Представляется необходимым более подробно рассмотреть практику исполнения наказания в тюрьме Воттон, расположенной вблизи города Ноттингем, которая является специальным учреждением закрытого типа для содержания лиц мужского пола категории С, осужденных за совершение преступлений сексуального характера. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в данной тюрьме, показывает, что они в силу их криминологической и уголовно-правовой типологии относятся к категории «уязвимых» лиц, отбывающих наказание за совершение, в частности, таких преступлений, как изнасилование и иные формы сексуального насилия, половое сношение с лицом женского пола, не достигшим шестнадцатилетнего (в некоторых случаях тринадцатилетнего либо четырнадцатилетнего) возраста, мужеложство, инцест, развратное поведение, появление в общественном месте в обнаженном виде. Приблизительно 50% из них – лица, переведенные на облегченные условия содержания из тюрем, в которых содержатся осужденные категории В. Тюрьма Воттон не принимает лиц, во-первых, осужденных менее чем к шести месяцам тюремного заключения либо, наоборот, к пожизненному тюремному заключению, во-вторых, ранее имевших нарушения тюремной дисциплины.

Спецконтингент тюрьмы условно поделен на две категории: осужденные первой категории содержатся в дортуарах, представляющих собой общие спальни для 6-8 человек, второй – в кабинах (иначе камерах) для одиночного ночного содержания заключенных, в которых в основном

¹ Prison Service News. – 2003. – № 220. – P. 7.

находятся вновь прибывшие осужденные от 1-3 недель до нескольких месяцев (в исключительных случаях). Содержание в кабинах необходимо в целях проведения карантинных мероприятий, предварительного изучения преступника и его адаптации. При поступлении в тюрьму осужденные лица переодеваются в одежду специального образца, имеющую единый синий цвет. Здесь же стоит отметить, что привилегия на ношение собственной одежды имеет место крайне редко. В дневное время всем осужденным с соблюдением соответствующих требований допуска разрешается передвигаться в пределах режимной и производственной территорий.

Условия содержания указанных двух категорий осужденных в основном отличаются разной степенью доступа к различным помещениям и имеющимся привилегиями. Иная градация условий содержания осужденных отсутствует. Вместе с тем все осужденные классифицируются на несколько групп, общение между которыми запрещено.

Распорядок дня достаточно «гибкий» и организован таким образом, что осужденным стараются предоставить собственное право выбора часов для работы, обучения и отдыха.

Основные средства исправления основаны на физическом труде, включающем работу заключенных на объектах по обслуживанию тюрьмы (столовая, пищеблок, ферма и др.), в мастерских, в которых производятся различные столярные изделия, и саду, в котором также возможно выращивание растений и даже целых клумб на продажу. Работают осужденные по будням два раза в день. В общей сложности рабочее время не превышает шести часов в день. Труд не является обязательным и прямо не влияет на получение каких-либо льгот, перевод в тюрьму открытого типа либо досрочное освобождение, но отказываются от него лишь единицы. В отличие от других тюрем в учреждении Воттон оплата труда сдельная, а не фиксированная. В частности, для тех лиц, которые трудятся в мастерских или саду, оплата прямо пропорциональна выручке. Однако реализация продукции осуществляется со значительной

уценкой, в силу чего и начисляются осужденному незначительные денежные суммы. Труд сочетается с добровольной системой общеобразовательной и профессиональной подготовкой осужденных.

Обращаясь к такому средству исправления осужденных, как труд, представляется возможным осуществить небольшой исторический экскурс. Так, с момента использования труда в английских тюрьмах – с первой половины XX столетия – тюремной администрации было очень сложно организовать какое-либо производство, на котором заключенные смогли бы получать или(и) закреплять трудовые навыки. Поэтому даже самые простые хозработы по внутреннему обслуживанию тюрьмы, не связанные с каким-либо производством, воспринимались осужденным как заслуга. По этому поводу в свое время Макс Грюнхут отмечал: «работа для заключенных – милость, её отсутствие – жестокое наказание. Принудительный труд может доставлять страдание, но лишение работы еще более тяготит заключенного»¹. Кроме того, даже приобретение трудовой квалификации (или её сохранение) зачастую оказывалось бесполезным в деле исправления преступников после их освобождения, поскольку даже людям без криминального прошлого было очень трудно найти приемлемое место работы и заработка.

Вместе с этим идея о том, что труд помогает заключенному удовлетворить свои нужды и превратить его в законопослушного гражданина, стала общепризнанной начиная с первой половины XIX столетия. При этом виделась польза оплаты труда заключенного, которая способствовала демонстрации законного способа заработка как условия нравственного существования человека и привитию чувства уважения к собственности. Кроме того, конкретный объем выполняемой работы и его качественно-количественное изменение соответственно дозирует заработную плату, что позволяет выразить усердие осужденного и его

¹ Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – P. 198.

соответствующие успехи в процессе исправления, то есть в формировании уважительного отношения преступника к труду и законной форме приобретения материальных благ.

Однако при этом стало вполне очевидным, что в денежном эквиваленте осужденный «отрабатывает» меньше, нежели уходит на его содержание. Так, проведенный 1920-1921 годах эксперимент показал, что доход от работы одного осужденного, отбывающего тюремное заключение, составлял приблизительно 44 фунта стерлингов, тогда как на его содержание уходило около 121 фунта стерлингов в год, то есть расходы компенсировались приблизительно на 36%. Это в общем-то немало, если учесть, что в 1895 году рассматриваемые расходы компенсировались лишь на 12%.¹ В настоящее время труд осужденных, используемый в английских тюрьмах, также не является самоокупаемым и экономически выгодным исправительному учреждению.

Следует заметить, что в основе труда заключенных английских тюрем в основном лежала и до сих пор преобладает так называемая «хозяйственная система», которая в отличие от «подрядной системы» (Франция, Австрия, Дания) предполагает главенствующую роль тюремной администрации в организации хозяйственной деятельности учреждения (выбор рынка труда, поставка сырья, реализация продукции etc.). Данная система позволяет в большей степени снизить затраты на содержание тюрем, нежели «подрядная система».²

Для организации труда в английской пенитенциарной системе (а также в бельгийской) было характерно, что достаточное внимание обращалось и на местные тюрьмы. Так, подобные мелкие тюрьмы имелись практически во всех странах Европы и в США; в царской России – это в основ-

¹ Ibid., p. 204.

² См.: Гогель, С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах / С.К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 2 (февраль). – С. 173-201, 212. Надо отметить, что С.К. Гогель вообще ставил тюремную систему Англии, в том числе «прекрасную постановку арестантского труда», в пример иным государствам (см.: Там же. – С. 215).

ном так называемые губернские и уездные тюрьмы, но в них практически не уделялось внимания проблеме организации труда заключенных. В Англии в 1894 году насчитывалось 57 местных тюрем, из них в 7 содержались менее чем по 50 заключенных, в 15 – менее чем по 100 заключенных, в 26 – от 200 до 400 осужденных, в остальных – немногим более 400. При этом в 1878 году местных тюрем насчитывалось 113.¹ Министерство внутренних дел Англии не смогло избавиться от всех местных тюрем, но смогло значительно улучшить условия содержания в них заключенных, в том числе организовать выполнение около 75% осужденными (по состоянию на 1895 год) некоторых видов физического труда (безусловно, более легкого, чем в каторжных тюрьмах). Характер труда для указанных 75% заключенных в местных тюрьмах на 1895 год представлен следующей структурой: 1) non-productive, то есть непроизводительным трудом (в частности, «treadwheel», «crank»), были заняты 547 осужденных, отбывающих наказание в виде тюремного заключения; 2) in manufactures, то есть ремесленным трудом, были заняты 6677 осужденных, причем в каждой тюрьме; 3) in buildings, то есть выполнением работ по ремонту ветхих и строительству новых тюрем, – 594 осужденных; 4) employment's in the ordinary service of the prison, то есть по хозяйственному обслуживанию тюрем, – 2972 осужденных.² Ожидаемое благоприятное влияние труда на исправление осужденных оказывало еще больший позитивный эффект в сочетании с устройством достаточно хороших тюремных библиотек, некоторых форм досуга, а также духовного наставления осужденных.

Продолжая рассматривать порядок и условия исполнения и отбывания наказания в тюрьме Воттон, следует обратить внимание, что экскурсия по внутренним помещениям исправительного учреждения и общение с осужден-

¹ Fox, L.W. The English Prison and Borstal Systems / L.W. Fox. – London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. – P. 49.

² См.: Гогель, С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – С. 207-208.

ными позволили убедиться во взаимном уважении и равных доверительных взаимоотношениях как среди самих осужденных, так и между заключенными и персоналом тюрьмы. Для осужденных созданы все необходимые условия для занятия спортом и проведения досуга.

С осужденными лицами постоянно проводится дифференцированная, как правило, групповая аудиторная работа, направленная на обсуждение проблем насилия, в том числе сексуального, решение индивидуальных психологических нарушений, достижение самоутверждения и критического самоанализа. При этом реализация так называемых специальных программ «обращения» основана на идее о том, что преступник обладает определенными потенциальными возможностями для развития в нем позитивных человеческих качеств и нормальных поведенческих мотивов. Сотрудники тюрьмы и привлекаемые специалисты стараются убедить осужденных в необходимости такого «обращения» и осознать полезность применяемых мер для последних. С точки зрения методики данное «обращение» базируется на программах «когнитивно-поведенческих модели» и «разумного поведения», при которых особое внимание обращается к проведению ролевых игр, поведенческому моделированию, когнитивному тренингу и др. Ставятся задачи повышения мужской самоидентификации и стимулирования мышления осужденных, развития и укрепления у них таких качеств, как, например, сопереживание, умение руководить собственными поступками и предвидеть их последствия.

Занятие в группах проводит психолог, которым, по сути, является любой дипломированный сотрудник тюрьмы. Работа может строиться по достаточно разнообразным схемам. Например, при посещении данной тюрьмы в одной из групп довелось наблюдать сочинение участниками программы писем самим себе, якобы как от жертвы совершенного осужденным посягательства, в котором от имени пострадавшего лица надо было описать всю боль и страдания, вызванные этим деянием. Затем письма обсуждались всеми участниками группы до тех пор, пока не было достигнуто единого мнения по поводу переживаний жертвы.

Также разбираются распространенные среди преступников ошибочные представления по поводу сексуальных посягательств в отношении женщин, в частности о якобы провоцирующей роли жертв данных преступлений, и другие ситуации. Кроме того, каждый участник программы должен составить свой индивидуальный список факторов риска, «тревожных знаков», которые имеют непосредственную связь с ситуацией и обстоятельствами совершенного им преступления. На основе этих сведений для каждого участника разрабатывается либо корректируется персональный план профилактики рецидива.

В учреждении реализуется специальная наркотическая программа, которая включает систему комплексных мероприятий, соответствующих Единой Правительственной Стратегии и общей для всех тюрем Тюремной Стратегии борьбы с наркотиками. Однако персонал тюрьмы отмечает, что в отношении их спецконтингента данная программа включает обычные образовательные, реабилитирующие, психологические и иные мероприятия, рассчитанные на различные категории лиц с наркотической зависимостью, и ничем не отличается от подобных программ, выполняемых в иных тюрьмах. Например, проверка на употребление наркотиков включает обычное избирательное тестирование, проводимое не чаще одного раза в месяц.¹

Таким образом, исследование специальных информационных источников и непосредственное ознакомление с некоторыми английскими тюремными учреждениями позволяет декларировать значительный прорыв в изменении социального облика пенитенциарной системы Англии и Уэльса. В частности, представляются уже не имеющими ничего общего с реальной действительностью прополитические заявления советских ученых в начале 1970-х годов о том, что осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, «нередко бывают заняты на тяжелых работах (в каменных карьерах, на строительстве дорог),

¹ Также см.: Тепляшин, П.В. Воттон – тюрьма для насильников / П.В.Тепляшин // Преступление и наказание. – 2004. – № 1. – С. 27-29.

для которых характерны трудные условия, постоянное несоблюдение правил безопасности, отсутствие какого-либо профессионального обучения. <...> Фактически тюремная политика империализма и не рассчитана на эффективное моральное совершенствование заключенных. <...> Экономическое и политическое господство империализма объективно немыслимо без подавления, без органов непосредственного насилия, функции которых в числе других и выполняют тюремные учреждения и вся тюремная система»¹.

Таким образом, современные особенности порядка и условий исполнения наказания в виде тюремного заключения в отношении отдельных категорий осужденных в английских тюрьмах показывают определенную специфику обращения с лицами, осужденными к тюремному заключению, и позволяют конструктивно отнестись к их осмыслению.

¹ Бельсон, Я.М. Указ. соч. – С. 39, 44, 49.

ГЛАВА VI. PAROLE: АНГЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Данная глава работы посвящена parole, или, иначе, английскому правовому институту досрочного освобождения осужденного от отбывания тюремного заключения. Так, постепенный отход от утилитарной роли наказания в исправлении преступника, политика придания уголовной юстиции Англии гибкости в решении основных задач привели к появлению и дальнейшему развитию самых разнообразных «альтернативных мер». И положительная реакция английского общества к процессу снижения репрессивных форм воздействия на преступника и следование принципу целесообразности наказания дает «зеленый свет» применению на практике очень широкого спектра таких мер, к числу которых, по сути, можно отнести и институт досрочного освобождения.

Данный институт широко применяется в практике уголовного правосудия Англии и имеет дело с осужденными к тюремному заключению, которые уже отбыли определенную часть приговора в условиях лишения свободы (тюремного заключения). От отбывания оставшейся части они могут быть досрочно освобождены на определенных условиях и под так называемое «честное слово» осужденного, то есть заверение с его стороны о добропорядочном и правопослушном поведении после освобождения. Именно по этой причине в 1847 году Самуил Гау (Samuel G. Howe) предложил используемый по настоящее время в юридическом обороте термин «parole», который можно перевести как «освобождение заключенного под честное слово».¹

Становление современной концепции parole приходится на вторую половину XX столетия, однако исторически ее корни уходят на несколько столетий назад и нахо-

¹ Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – P.313.

дятся в недрах английской транспорти, которая представляла собой систему высылки лиц, осужденных, как правило, к строгим мерам наказания вплоть до смертной казни, в колонии Америки и позже Австралии.¹ Важно пояснить, что транспортиция была вынужденным шагом английской уголовной юстиции в XVII-XVIII веках. Так, высылка преступников в колонии была обусловлена тремя основными причинами:

1) неспособностью Короны к борьбе с наиболее опасной преступностью (условно назовем ее рецидивной, профессиональной и организованной) и негодными властям маргинальными слоями, тогда как транспортиция была доступным средством избавления от ненужных преступных элементов;

2) собственно отсутствием должной исправительной системы, теоретической, правовой и материально-технической основы для построения такой системы;

3) и, наконец, потребностью колониальных территорий в даровой рабочей силе.

Изыскания отдельных авторов показывают, что наиболее ранние случаи применения транспортиции как меры наказания относятся к 1597 году², то есть к временам правления Елизаветы I (1558-1603). Действительно, в это время английское общество страдало от безработицы и маргинализации. Одновременно с этим колонии нуждались в дешевой рабочей силе. Указанные обстоятельства послужили причиной жалования властями отмены исполнения смертных приговоров физически здоровым лицам, виновным в совершении фелоний, и направления их в колонии Амери-

¹ Griffiths, A. Memorials of Millbank and Chapters in Prison History / A. Griffiths. – London: Chapman and Hall, Limited, 1884. – P. 241-276; Ruggles-Brise, E. The English Prison System / E. Ruggles-Brise. – Maidstone: Printed at H.M. Convict Prison, 1921. – P. 23-27, 31; Jenks, E. A Short History of English Law. From the Earliest Times to the End of the Year 1938 / E. Jenks. – 5th ed. – London: Methuen&Co. Ltd., 1938. – P. 345.

² Smith, A.B. Treating the Criminal Offender / A.B. Smith, L. Berlin. – 2nd ed. – New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1981. – P. 18.

ки (Вирджиния), где они продавались на определенный срок и практически становились рабами. В результате такой «сделки» власти Британии несли определенную ответственность за этих преступников, осуществляли усиленный контроль за ними и давали разрешение на возвращение обратно на родину. Высланные таким образом лица подвергались смертной казни в случаях, если они самовольно, без разрешения британских властей возвращались на родину.¹ Однако юридическая природа транспортиции как альтернативной меры наказания в рассматриваемый период времени не имела каких-либо правовых закреплений в статутах королевской власти.

По данным Джеймса Стефена, самые ранние примеры транспортиции именно как альтернативы наказанию имели место во времена правления Чарльза II (1660-1685), когда лицам, в отношении которых было избрано наказание в виде смертной казни, стало дароваться помилование с условием их высылки за пределы Королевства для работ в колониях обычно на 7 лет.² В частности, о такой практике говорится в *The Habeas Corpus Act 1679* года.

Начало законодательному оформлению транспортиции было положено в Законе 1717 года, который предусматривал высылку лиц, осужденных за совершение felonies либо краж, в колонии за пределами Британии на срок от 7 до 14 лет. Причем в этом и последующих законодательных актах транспортиция рассматривалась собственно не как наказание, а только лишь как альтернатива таковому.³

После потери Британией колоний в Америке транспортиция осужденных на этот континент стала невозможной. Однако открытие Австралии в 1770 году дало идею и практике транспортиции новую жизнь. Так, в 1787 году первые осужденные были доставлены на побережье этого

¹ Ibid.

² Stephen, J.F. *A History of the Criminal Law of England*. – In Three Volumes. – Vol. I / J.F. Stephen. – New York: Burt Franklin, 1883. – P. 480.

³ Windeyer, W.J.V. *Lectures on Legal History*. – 2nd ed. (revised) / W.J.V. Windeyer. – Sydney: The Law Book Company of Australia Pty Ltd., 1957. – P. 215, 227-228, 298.

континента в район современного Сиднея. В дальнейшем осужденные в основном доставлялись на территории Западной Австралии, Нового Южного Уэльса, а также островов Тасмания и Норфолк.¹

Транспортиция на вновь открытый континент породила исторически известную австралийскую каторгу, но все же она существенно отличалась от ранней модели высылки осужденных в Америку своим уголовно-правовым характером. Так, английское правительство, решив вопрос о транспортиции в Австралию, не проявило дальнейшей заботы о судьбе проекта. Как отмечает В.Д.Спасович, «правительство поступило практично: оно не писало наказов; оно не создало никаких обязательных планов для предстоящей колонизации; оно не предопределяло будущих отношений, которые должны были завязаться за дальними морями под влиянием тысячи непредвидимых обстоятельств. Оно удовлетворялось тем, что снабдило нового губернатора неограниченным полномочием, властью управлять, карать и миловать по усмотрению и положилось вполне на его ум и совесть. Эта страшная безусловная диктатура, которая была бы нестерпима при других, нормальных обстоятельствах, оказалась в этом случае благодеательною»². Как следствие этого по воле первого губернатора – капитана военных морских сил Артура Филиппа (Phillip), по видимому, обладавшего прогрессивным складом ума и реформаторскими задатками, осужденные не продавались в фактическое рабство (справедливости ради, следует отметить, что первые десятилетия работорговля в форме батрачества на континенте отсутствовала), а содержались в специальных поселениях. Управление поселений, стремясь к повышению воспитательного воздействия наказания, имело право освобождать преступников от заключения в этих поселениях и отдавать в частные руки (данная

¹ Транспортиция в Новый Южный Уэльс продолжалась до 1840 года, на острова Норфолк и Тасмания – до 1852 года, в Западную Австралию – до 1868 года.

² Спасович, В. Учебник уголовного права. Том I / В. Спасович. – Санкт-Петербург: Типография Иосифота Огриско, 1863. – С. 222.

так называемая «система закабаления» будет рассмотрена немного позже) и затем давать им так называемый «отпускной билет» до истечения основного срока наказания, то есть предоставлять право проживания в пределах предписанной территории на некоторых условиях (уже в 1789 году первый ссыльный получил в собственность отвод земли). Это и явилось самым ранним примером приблизительного соответствия современной системе досрочного освобождения заключенных (parole) и прогрессивной системе исполнения наказания. На такое освобождение заключенные поселений могли рассчитывать в двух случаях: либо за хорошее поведение, когда осужденные получали достаточное для освобождения количество положительных баллов (mark system), либо в случае отбытия последними определенной части приговора. Например, в 1821 году для лиц, осужденных к 7 годам тюремного заключения и высланных в Австралию, такой минимальный срок был установлен в 4 года, для осужденных к 14 годам – 6 лет, для осужденных к пожизненному осуждению – 8 лет. При этом развитие отношений собственности и торговли приводило к тому, что осужденные-поселенцы становились достаточно бережливыми и непреклонными в легитимной защите своих имущественных прав, поскольку им открывалась возможность достигнуть самостоятельности и материального благосостояния. Осужденный «знал, что ему не доверяли, и потому старался устранить всякую тень недобросовестности в делах торговых; он из кожи лез, чтобы сделать больше, нежели от него ожидали. Никогда ни прежде, ни после ссылка не оказывалась в такой изумительной степени исправительною, как в конце первой четверти XIX столетия»¹. Вместе с тем процесс закрепления земельных участков за осужденными, получившими досрочное освобождение, постепенно осложнялся «системой закабаления», которая в условиях конкуренции между свободными поселенцами и лицами, все еще остававшимися осужденными, исключала возможность перехода земли в собственность

¹ Спасович, В. Указ. соч. – С. 226.

последних. Проблема заключалась в оспаривании правосубъектности ссыльных, от которых требовалось предоставить приговор суда, вынесенный в самой метрополии, что было достаточно сложно. Определенной заменой приговора стало удостоверение о том, что осужденный прибыл в Австралию на специальном транспорте в целях отбытия указанной оставшейся части наказания.

Следует заметить, что благоприятными условиями для усовершенствования прогрессивной системы и института досрочного освобождения, которые, по сути, имеют конгениальный характер, была британская уголовно-правовая политика, видевшая на тот момент в ссылке недостаточные карательные притязания государства к наиболее опасным преступникам, а также то, что данное наказание «скрыто» от народа вследствие значительной удаленности места его применения. В частности, королевский указ от 22 мая 1840 года отменил ссылку в Новый Южный Уэльс и заменил её системой последовательного келейного заключения (с 1842 года, как правило, в Пентонвиле), каторжными работами и затем ссылкой на острова Тасмания или Норфолк (для более опасных для общества преступников), расположенные близ Австралии. Безусловно, такая схема не носила непреложный характер, однако продемонстрировала идею о практической утопичности исправления преступника в рамках тюремного заключения, но возможности его духовно-нравственной подготовки для жизни в колонии с последующим испытанием для подтверждения оказанного ему доверия. Кроме того, отменяемая данным указом система закабаления сосланных в Австралию преступников оказала благоприятное влияние на характер прогрессивной системы исправления преступников.

Усовершенствовал на практике и теоретически системно изложил идею досрочного освобождения Александр Макконочи (Alexander Macconochie), которого по этой причине в английской истории права называют «отцом *parole*». Так, в 1840 году Макконочи был назначен комендантом одного из рассматриваемых поселений на острове Норфолк, где он в зависимости от поведения и отношения

каторжан к труду разделил их на несколько категорий и ввел изменение им условий содержания, используя при этом море как естественный водораздел между отдельными категориями осужденных. Всего были предусмотрены три категории: 1) лица, впервые осужденные, которым следовало носить на одежде нашивную матерчатую звезду (в силу этого данную категорию нередко называли «звездной»); 2) переходная категория, предназначенная для лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести, как правило, к 7 годам тюремного заключения, а также впервые осужденных, но имевших нарушения дисциплины либо отрицательно себя зарекомендовавших в период их транспортировки из метрополии; 3) категория для рецидивистов, то есть лиц, уже отбывавших наказание за преступление (как правило, умышленных), а также для лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений.

Исправляющимся он постепенно улучшал условия содержания, так что в результате каждый осужденный получал перспективу попасть на другой остров, на котором пресекались все случаи жестокого обращения с людьми, были выстроены школы, церкви, каждый осужденный мог построить дом, жить с семьей, вести хозяйство и заслужить досрочное освобождение. В итоге была организована пятиступенчатая программа исправления и досрочного освобождения¹:

1 ступень – заключение подобно тюремному на суровых условиях (не менее 3-х месяцев для осужденных первой категории; не менее 6 месяцев – второй категории; не менее 9 месяцев – третьей категории; для женщин независимо от категории, в которой они находились, – не менее 3 месяцев);

2 ступень – одиночное тюремное заключение ночью и труд днем в специальных рабочих бригадах. В рамках данной ступени определялось пять разрядов (этапов) исполнения наказания, в каждом из которых за хорошую работу и

¹ Smith, A.B. Op. cit. – P. 19; Barry, J.V. Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform / J.V. Barry. – London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. – P. 99-121, 129-137, 167-175.

примерное поведение осужденный ежедневно получал 6 марок (баллов) и еще две в случае чрезвычайно образцового поведения; за нарушение дисциплины и плохие показатели в труде им терялось определенное количество марок, что продлевало нахождение осужденного на данном этапе. В случае систематического нарушения дисциплины и (или) бойкотирования труда следовал перевод в нижестоящий разряд. Для перевода из первого во второй разряд заключенному требовалось набрать 720 марок (баллов), в остальные – по 730 марок.¹ Условия пребывания в различных разрядах отличались постепенным возрастанием различных льгот, улучшением бытовых условий, смягчением режимных требований;

3 ступень – относительная самостоятельность осужденных на предписанной им территории;

4 ступень – право осужденных жить при определенных условиях на выбранной ими территории («отпускной билет»), но нередко без права получения в собственность земельного надела (возможность получить надел земли была лишь в Новом Южном Уэльсе, ссылка на который уже была отменена в 1840 году);

5 ступень – полное восстановление свободы (освобождение). Было возможно по отбытии мужчинами не менее $\frac{3}{4}$ всего срока наказания, женщинами – не менее $\frac{2}{3}$ срока.

Срок нахождения осужденного в условиях тюремного заключения определялся администрацией, но в случае негативного отношения заключенного к тюремному персоналу, иных отрицательных проявлений с его стороны, свидетельствующих о безрезультатности такого воздействия на осужденного, срок заключения мог быть продлен. При этом только на первой ступени придерживались требова-

¹ Вместе с этим Ю.М.Ткачевский совершенно справедливо отмечает, что «процедура ежедневного начисления марок каждому заключенному в отдельности сложна и громоздка. Для её реализации необходим большой штат тюремных работников. Это удорожает содержание тюрьмы и не исключает и формализации учета» (Ткачевский, Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Зерцало, 1997. – С. 19).

ния классификации осужденных по их общественной опасности, при переходе на вторую ступень все заключенные попадали в первый разряд, где действовали универсальные требования. И на первой, и на второй ступенях строго соблюдались требования раздельного содержания мужчин и женщин. Исправительное воздействие основывалось на высоком персонифицированном отношении тюремного персонала к заключенным, заинтересованности самих осужденных в позитивном поведении и добросовестном отношении к труду. Сам А.Макконочи по поводу своего подхода к исправлению осужденных писал: «Я пытался любым приемлемым способом вернуть к заключенным их человеческое самоуважение, направить их к исправлению и переосмыслению жестокости и аморальности преступления, посредством постепенного смягчения тягот наказания вернуть к ним правопослушный образ жизни и затем вызвать между осужденными и офицерами [персоналом] чувство взаимного уважения»¹. М.Грюнхут отмечал, что «прогрессивная система представляет такую организацию тюремного режима, при которой осужденному дается самостоятельная возможность взойти от начальной ступени своего заключения до момента освобождения. Эта система стимулирует исправление, улучшает его взаимоотношения, укрепляет и испытывает его волю и, таким образом, отдает его судьбу в его же собственные руки».²

Рассматриваемая практика досрочного освобождения осужденных была привнесена А. Макконочи и в исправительную систему Англии, когда четырем годами позже он стал комендантом тюрьмы в Бирмингеме. Однако здесь возникла существенная проблема с организацией посттюремного контроля за досрочно освобожденными осужденными.

В 1850 году Управление каторжных тюрем (Board of Directors of Convict Prisons), главой³ которого с 1837 по

¹ Цит. по: Fox, L.W. Op. cit. – P. 41-42.

² Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – P. 42.

³ Должность именовалась *генерал-суперинтендант (surveyor general)*.

1863 году был Д. Джебб (Jebb), обнаруживало рекомендуемое соотношение срока тюремного заключения сроку транспортиции, который был равен четырем годам заключения к семи годам ссылки, хотя Закон о каторге 1865 года предусматривал как минимум пять лет каторги или семь лет тюрьмы за тяжкое преступление (фелонию).¹ В любом случае данное обстоятельство указывает на то, что к этому времени высылка на каторжные работы уже не являлась столь суровым наказанием как ранее.

Правительство достаточно настойчиво боролось с институтом транспортиции в том смысле, что старалось усовершенствовать исправительный эффект тюремной системы в самой Англии и тем самым избавиться от выдвигаемых колониями все новых и новых требований к её осуществлению, вплоть до полного отказа в приеме преступников. Для того чтобы сделать транспортицию невыгодной с позиций эксплуатации дешевой рабочей силы, вводились всевозможные законодательные ограничения высылки, в частности касающиеся постепенного снижения ее допустимых сроков, ужесточения требований к улучшению условий отбывания такого наказания. Вместе с этим даже после полного прекращения транспортиции на австралийский континент в 1868 году (однако последнее транспортное судно с ссыльными осужденными было отправлено в Западную Австралию в 1870 году) сохраняющийся до 1948 года каторжный труд на близлежащих островах и в тюрьмах, расположенных на периферийных территориях Англии, во многом носил конгениальный характер с транспортицией *viz.* сохранял худшие ее традиции.

После неудавшейся попытки А.Макконачи привнести его систему в орбиту английской тюремно-правовой системы в 1854 году В. Крофтон (Walter Crofton), начальник Ирландского тюремного ведомства (Board of directors of convict prisons in Ireland), основанного в том же году, и основатель так называемой «ирландской прогрессивной системы»,

¹ Sharpe, J.A. Judicial Punishment in England / J.A. Sharpe. – London·Boston: Faber and faber, 1990. – P. 66.

усовершенствовал практику реализации идеи «отпускного билета» и, таким образом, всю прогрессивную систему. Ирландская прогрессивная система характеризовалась наличием «переходных тюрем» с полусвободным режимом, в ней по сравнению с английской системой были реорганизованы стадии на пути движения осужденного к досрочному освобождению и организован должный постпенитенциарный контроль. В частности, в течение первых 9 месяцев (4 – в отношении женщин) осужденный должен был находиться в одиночном заключении в тюрьме Маунтджой (Mountjoy) недалеко от Дублина на ограниченном питании (в частности, из рациона исключено мясо) и выполнять при этом монотонную работу. В отличие от практики исполнения одиночного заключения в английских тюрьмах в рассматриваемом учреждении монотонный физический труд применялся не в целях воздействия на духовно-нравственную сферу преступника, но как способ возбудить у него желание к полезному труду. Также в маунтджойской тюрьме отсутствовало правило молчания, при выводе заключенных на богослужение либо в школу на их лица не надевались покрывала (маски). В зависимости от поведения заключенного срок его пребывания на данной стадии мог быть сокращен до 8 месяцев или, наоборот, продлен до одного года.

На второй стадии (ступени) осужденный, продолжая содержаться в тюремном заключении, под надзором выполнял общественные работы и мог получать какие-либо привилегии за добросовестное выполнение установленных требований.¹ Отбывание данной стадии происходило в Коркской гавани на острове Спайк (Spike Island). На данной стадии осужденному необходимо было пройти пять рангов (классов) – испытательный, третий, второй, первый и образцовый, передвижение по которым зависело от поведения заключенного и от набора ими необходимого коли-

¹ На этой стадии осужденный находился в рамках «прогрессивной классификации» (термин был введен самим В. Крофтоном), в соответствии с которой он, получая необходимое количество положительных баллов за свое поведение («mark system»), проходил пять рангов классификации.

чества марок (badges), которых осужденный мог заработать максимум 9 за месяц – максимум по три за отношение к труду, поведение и прилежание в учебе. В испытательный ранг поступали в основном только осужденные, не побывавшие по каким-либо причинам на первой стадии в одиночном заключении либо негативно характеризующиеся. Система марок в испытательном ранге не действовала, и осужденный фактически находился в условиях карантина, срок которого не имел строгой регламентации, но предполагал, как правило, не более одного-полутора месяцев. Для перехода из третьего во второй ранг (класс) необходимо было заработать 18 марок, из второго в первый – 54 марки, из первого в образцовый – 208 марок. Полученные привилегии подлежали немедленной отмене при негативном отношении осужденного к своим обязанностям. При этом в качестве показателей исправления считалось не пассивное подчинение тюремному режиму, а успехи в получении трудовой квалификации либо образовании.

На третьей, подготовительной, стадии (ступени) – перед досрочным освобождением – осужденный содержался не менее шести месяцев в одной из четырех «переходных тюрем» – две из которых находились в Ласке (Lusk), одна предназначалась для несовершеннолетних преступников, две другие – в Смифилде (Smithfield).¹ Данные «переходные тюрьмы», кстати, отмененные английским правительством почти сразу же после отставки В. Крофтона в 1862 году (до 1869 года функционировала тюрьма в Сми-

¹ Рассматриваемые «переходные тюрьмы» предназначались только для преступников мужского пола. Женщины после прохождения первых двух стадий на одних и тех же условиях с лицами мужского пола направлялись в частные, устроенные благотворительными обществами приюты – «дома убежища» (refuges). В конце XIX века наибольшую известность получили следующие приюты: Carlisle Memorial Refuge в Винчестере, The Eagle House Refuge в Гаммерсмиссе и Westminster Memorial Refuge в Стритгеме. Для несовершеннолетних преступников в тюрьме Маунтджой имелось специальное отделение, а также специальная земледельческая школа в Ласке.

фиелде, до 1880 года – в Ласке)¹, были рассчитаны на 50-60 осужденных, характеризовались полусвободным режимом, не имели привычных тюремных ограждений, помещения, в которых содержались заключенные, не запирались и не имели решеток на окнах. Но вместе с тем спали заключенные, как правило, в кандалах. Рассматриваемые «переходные тюрьмы», по словам М.Грюнхюта, представляли собой своеобразный «фильтр между тюрьмой и обществом» и являлись сердцевинной Ирландской прогрессивной системы.² Здесь осужденный работал в среднем по 9 часов в будний день за плату (около одного шиллинга в неделю), находился уже без постоянного присмотра и атрибутов тюремной жизни (короткой стрижки, каторжанской робы), имел шанс на досрочное освобождение в случае отсутствия взысканий и наличия хороших показателей в труде. В результате предоставление возможности передвижения на работы за пределами тюрьмы без конвоя (а также в целях посещения церкви, за покупками и т.п.), свободный доступ для всех граждан, заинтересованных в найме осужденных после их освобождения, в определенной степени стимулировало постепенное привыкание осужденных к жизни на свободе, служило налаживанию общения и адаптации в обществе. Более того, в «переходных тюрьмах» было организовано общеобразовательное обучение и обязательное богослужение, которым отводилось до 3,5 часов в день.

¹ Как представляется, отказ правительства от «переходных тюрем» был обусловлен значительными трудностями в их управлении, высокими требованиями к персоналу. Так, С.В. Познышев указывал: «Для успеха этого учреждения необходимо, чтобы директор его обладал не только горячей преданностью делу, но особенным тактом и наблюдательностью, с помощью которых он мог бы изучить настолько каждого арестанта, чтобы знать, что ему можно позволить, а чего нельзя, каким испытаниям его следовало бы подвергнуть и т.п.» (Познышев, С.В. Очерки тюремоведения... – С. 96). Поэтому после отставки В. Крофтона оказалось невозможным найти ему подходящую замену со столь выдающимися административными качествами, и «личностный фактор» оказался решающим в судьбе ирландской прогрессивной системы.

² Grünhut, M. Op. cit. – P. 84.

Дисциплину поддерживали около 4-5 служащих, единственной мерой взыскания за нарушение режима был перевод на предыдущую стадию в каторжную тюрьму.¹

После досрочного освобождения осужденный находился под усиленным надзором полицейского в сельской местности и инспектора по контролю за досрочно освобожденными лицами в городе, которые были обязаны, во-первых, следить за тем, чтобы осужденные соблюдали должное социальное поведение, и, во-вторых, оказывать им помощь в трудоустройстве, поиске жилья и т.п. Последние, в свою очередь, должны были систематически (обычно один раз в месяц в первых числах) отчитываться перед закрепленным инспектором (полицейским).² Таким образом, такое освобождение носило условный характер, однако нарушения условий освобождения имели лишь спорадический характер. Так, лишь около 3% из них переводились обратно в переходные тюрьмы и только 4% в каторжную тюрьму (вторая стадия ирландской прогрессивной системы). Кроме прочего, это говорит о том, что в основе ранней формы надзора за досрочно освобожденными осужденными были положены две цели: контроль и помощь. Все это указывает на то, что такой надзор явился одним из ранних примеров режима probation при условно-досрочном освобождении. Уровень рецидива при условно-досрочном освобождении был намного ниже, чем у досрочно освобожденных в английской прогрессивной системе, поскольку ирландская прогрессивная система отличалась режимом «переходных тюрем», посттюремным надзором и условным характером освобождения.

¹ В течение 7 лет в период с 1854 по 1861 годы из 1670 осужденных, побывавших в тюрьме Ласк, за нарушение режима только 48 были отосланы на предыдущую стадию.

² Wines, F.H. *Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary* / F.H. Wines. – London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. – P. 188-191; Carney, L.P. *Probation and Parole: Legal and Social Dimensions* / L.P. Carney. – New York: McGraw-Hill, Inc, 1977. – P.137-140; Grünhut, M. *Op. cit.* – P. 83-91; Smith, A.B. *Op. cit.* – P. 20.

Кроме прочего, Ирландская прогрессивная система положила начало развитию института патроната, который был во многом усовершенствован в самой Англии, поскольку первые зачатки патроната имели место уже в первой половине XIX века. В частности, в Англии, насколько известно, первая подобная организация возникла в 1816 году¹ с образованием Общества улучшения условий тюремного заключения (Society for the improvement of Prison discipline), оказывавшего заботу о должной организации тюремного режима, а также осуществлявшего попечение за освобождающимися, как правило, несовершеннолетними осужденными.² Также известно Лондонское попечитель-

¹ Некоторые авторы указывают на 1802 год как год образования первой аналогичной организации (см.: Кораблин, К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие / К.К. Кораблин. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. – С. 45). Однако данные сведения являются не проверенными и не опираются на какие-либо авторитетные источники.

² Интересно заметить, что в 1817 году член данного Общества В.Венинг посетил Петербург, где он, обследовав ряд тюрем, подготовил обстоятельный доклад на имя императора Александра I об условиях содержания заключенных и организации тюремного управления, а также предложения о совершенствовании организации тюремного дела. Доклад произвел на императора неизгладимое впечатление, в силу чего Александр I три раза собственноручно исправлял и дополнял предложения английского филантропа относительно совершенствования условий содержания заключенных и управления тюрем. На основании данной работы 19 ноября 1819 года Александр I утвердил соответствующие правила (иначе – Устав) для так называемого Общества попечительного о тюрьмах, которые функционировали последующие 32 года. В соответствии с данными правилами выдвигалось пять требований к организации обращения с осужденными: ближайший и постоянный надзор над заключенными, размещение их по роду преступления или обвинения, наставление заключенных в правилах христианского благочестия, занятие их приличными упражнениями, заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенном месте (см.: Печников, А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649-октябрь 1917 гг.) : историческая хроника / А.П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – С. 15-17).

ское общество, образованное в 1857 году. К 1878 году в английском обществе подобных организаций насчитывалось 29, к 1886 году – уже 60. В 1877 году был учрежден центральный комитет обществ патроната. Фактически то или иное общество патроната было при каждой английской тюрьме, что позволяло оказывать действительную постпенитенциарную помощь около 9-10% освобожденным из местных тюрем и приблизительно 60-70% освобожденным из каторжных тюрем. Попечение за освобожденными из мест заключения, осуществляемое этими обществами, имело огромное значение для снижения рецидива преступлений.

Относительно ирландской прогрессивной системы представляется интересным привести мнение известного отечественного юриста и ученого С.К.Гогеля, который указывал, что «с принятием этой системы, по крайней мере в главных чертах, в большинстве Европейских государств мы действительно можем говорить о водворении в тюрьмах пенитенциарной системы, как совокупности мер, направленных к возрождению нравственному преступника, к подготовке его для возвращения в ряды нормального общества в качестве честного труженика»¹. Не случайно рассматриваемая исправительная система носит определение-парафразу – «чистилище заключенных» («purgatory of prisoners»). Вместе с тем нельзя не заметить, что утвержденная российским императором в 1872 году специальная комиссия для составления общего систематического проекта тюремного преобразования нашла, что в России при исполнении наказания, связанного с лишением свободы, в частности каторги, «немыслимы» полусвобода и полунаказания, поскольку исходя из того, что, во-первых, каторжные тюрьмы расположены не на европейской части, а на малонаселенной и обширной территории Сибири и Дальнего Востока и, во-вторых, русскому человеку свойственен общинный характер организации труда и уклада жизни: 1) будет значительно затруднен острожный и полицейский надзор за лицами, находящимися в условиях полусвободы;

¹ Гогель, С.К. Вопросы уголовного права... – С. 491.

2) те из них, кто заведет семьи и личное хозяйство, но при этом все еще будет обязан выполнять некоторые каторжные работы, ночевать в остроге, «смутятся духом и не поймут, какую же они получили награду за то, что вели себя хорошо»; 3) каторжане же, не имеющие ни семьи, ни ремесленного, ни подсобного хозяйства, и при этом маловероятно, что местные жители способны взять их на попечение (даже с учетом введения соответствующих законодательных предписаний), будут подвергнуты искушению оставить острог или предписанную им местность либо заняться противоправной или аморальной деятельностью.¹

Стоит отметить, что идея досрочного освобождения нашла свое применение и в передовых на тот период вре-

¹ См.: Биншток, В.Л. Материалы для истории русской тюрьмы / В.Л. Биншток // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. – Т. 3. – С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1894. – С. 184-185.

Позже при обсуждении проекта Уголовного уложения 1903 года отечественные ученые и парламентарии пришли к выводу о том, что при переносе на русскую почву прогрессивной системы допускается два отступления от её англо-ирландского прототипа: 1) из неё выпадает стадия «переходных тюрем»; 2) последняя стадия – условное досрочное освобождение заменяется безусловным. Указывалось, что «если на первое отступление... еще можно, пожалуй, согласиться преимущественно по соображениям финансового свойства, то второе отклонение вряд ли можно признать удачным». Однако, допуская условное досрочное освобождение «необходимым дополнением всякой рационально устроенной тюремной системы», признавалось, что «введение этого института ныне же ввиду состояния наших тюрем, ввиду отсутствия у нас правильно организованного полицейского надзора, не представляется своевременным... Полицейский надзор за освобожденными из заключения, отправляемый органами общей полиции, как всюду свидетельствует опыт... всегда носит формальный, чисто внешний характер и должен быть заменен действительным, охватывающим всю жизнь освобожденного и, несмотря на то, всегда для него менее стеснительным надзором со стороны частных обществ патроната» (Пржевальский, В.В. Проект Уголовного уложения... – С. 70-71).

мени методах исправления преступников, внедряющихся в нововозведенные и такие известные комплексы, как Милбанк и Пентонвиль, открытые в 1821 и 1842 годах соответственно, и реализуемых в рамках прогрессивной системы исполнения наказания. Реализация прогрессивной системы в той или иной степени складывалась из четырех этапов: 1) одиночного тюремного заключения в течение 9 месяцев в одном из указанных тюремных комплексов; 2) периода probation, в течение которого осужденные использовались на тяжелых работах в Англии (в свое время Фредерик Уайнас заметил, что данный период больше напоминал каторгу¹); 3) транспортиции в Австралию либо иные колониальные территории с правом свободного проживания на определенной территории и возможностью заслужить досрочное освобождение, то есть 4) получить условную свободу и вернуться в Англию. В частности, такая схема была предусмотрена Законом 1847 года. Закон о каторге (Penal Servitude Act) 1853 года, а затем и 1857 года предусматривал схожую трехступенчатую систему, в которой, однако, досрочное освобождение не связывалось с транспортицией осужденного в Австралию.² Так, в соответствии с Законом от 26 июня 1857 года прогрессивная система, за рамками которой осталась транспортиция (за исключением ссылки до 1870 года незначительного числа осужденных в Западную Австралию), дистрибутивно состояла из трех переходящих этапов: 1) раздельного (сепаратного) содержания в течение 9 месяцев в Пентонвиле или в одной из специально приспособленных для этого местных тюрем; 2) тяжелого физического труда в каторжных тюрьмах либо колониях Гибралтара или Бермудских островов (каторжные работы могли назначаться без

¹ Wines, F.H. Op. cit. – P. 184.

² Fox L.W. Op. cit. – P. 44. Закон о каторге 1853 года предусматривал замену транспортиции каторжными работами только в отношении тех преступников, которые были осуждены менее чем к 14 годам тюремного заключения. Закон о каторге 1857 года полностью отменял наказание в виде высылки на каторжные работы в английские колонии. Однако, как известно, практически транспортиция в Западную Австралию продолжалась до 1870 года включительно.

первого этапа в качестве самостоятельного наказания). Данный этап делился на пять качественно разнородных стадий, продвижение по которым зависело от характера поведения осужденного и его отношения к труду; 3) условно-досрочного освобождения, в период которого злостное невыполнение освобожденным возложенных на него обязанностей либо совершение какого-либо правонарушения приводило к возврату преступника в тюрьму.¹

После 1864 года были повсеместно образованы общества помощи освобожденным от тюремного заключения (в том числе досрочно освобожденным лицам). Причем данная программа в своей основе имела правительственное финансирование.²

¹ Безусловно, имеются противники прогрессивной системы, основывающие свою критику (которая, по сути, является результатом недостатков внутренней организации и проблем социального развития) как на сущностном анализе данного феномена, так и его идеологической подоплеке. В частности, С.Я.Булатов указывает следующие её недостатки: 1) «в прогрессивной системе первая стадия – это обычно длительное и строгое одиночное заключение». Поэтому исправительное учреждение, имея «этот устрашающий отправной пункт для того, чтобы было откуда подниматься, предоставляя льготы», являлось «домом ужаса»; 2) сохраняя «репрессивное действие» и «обще-устрашающий эффект тюрьмы», привилегии сводились к минимуму, превращались в исключение из правила, поэтому прогрессивная система превратилась в «жестокую систему обмана и эксплуатации заключенного обещанием заведомо недостижимых льгот», что вызывало озлобление, вспышки возмущения и нарушения дисциплины, потерю части или всех льгот; 3) приспособленчество заключенных к изменению условий отбывания наказания способствует лишь подхалимству, угодничеству и взяточничеству, а также скрывает подлинную степень их исправления; 4) у заключенных формируется не чувство законности и правосознание, но представление о произволе и безграничной власти своих ближайших начальников (Булатов, С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике / С.Я. Булатов // Тюрьма капиталистических стран : сборник статей / под ред. А.Я.Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1937. – С. 17-20).

² Glaser, D. The Effectiveness of a Prison and Parole System / D. Glaser. – New York-Kansas City: The Bobbs-Merrill Company, Inc, 1964. – P. 429.

Закон о тюрьмах (Prison Act) 1898 года продолжал развивать анализируемый институт. Однако досрочное освобождение все-таки оставалось не правом осужденного, а лишь вознаграждением по результатам набранных положительных баллов («mark system») в первую очередь за добросовестный, но фактически каторжный (!) труд. Безусловное же досрочное освобождение по отбытии двух третей приговора стало возможным только после отмены в 1948 году тюремной каторги. Вместе с тем такое освобождение быстрее имело место «на бумаге» и не нашло своего повсеместного применения.¹

Таким образом, ко второй половине XIX века идея досрочного освобождения нашла свою практическую реализацию в Англии и Ирландии. Это произошло не случайно, а одновременно с процессом снижения уровня преступности в Британии и жесткой критики результатов транспортировки со стороны парламентариев и общественности. Кроме того, на это время пришлось бурное развитие исправительной идеи наказания, вознесение «идеала реабилитации» и начало гегемонии либеральных подходов к преступлению. Кризис традиционного наказания привел к появлению в английской науке и праве новых концепций реакции общества и государства на преступление, теория наказания пополнилась прогрессивными результатами исследований в этой области Джона Говарда (John Howard), Самуила Ромильи (Samuel Romilly), Уильяма Палея (William Paley), Иеремии Бентама (Jeremy Bentham) и др.

В дальнейшем и фактически до второй половины XX века идея досрочного освобождения не имела должного «технического решения». В частности, практика применения рассматриваемого института не выдерживала единой линии, хотя и имели место эпизодически предпринимаемые попытки системно подойти к вопросу о должной реализации досрочного освобождения: начиная от стадий тю-

¹ Wasik, M. Blackstone's Guide to the Criminal Justice Act 1991 / M. Wasik, R.D. Taylor. – 2nd ed. – London: Blackstone Press Limited, 1994. – P. 103-104.

ремного заключения и заканчивая посттюремным контролем. Так, во-первых, стоит отметить непоследовательное отношение законодателя к требованиям досрочного освобождения. Например, в течение 1940 года необходимый для досрочного освобождения срок отбытого тюремного заключения варьировался от одной шестой до одной третьей приговора. Во-вторых, идея досрочного освобождения, по существу, являлась средством снижения уровня тюремного населения и не была в полной мере задействована в процессе исправления и реабилитации преступников.¹ В-третьих, фактически отсутствовала система специальных служб и комиссий, занимающихся вопросами досрочного освобождения, а также механизм реального контроля за досрочно освобожденными лицами.²

В 1970-х годах прошлого столетия произошел «всплеск» интереса к институту досрочного освобождения.³ Так, в 1964 году Рабочей Группой Лейбористской партии под руководством Лорда Лонгфорда (Lord Longford), был опубликован известный доклад «Преступность – вызов для всех нас». В декабре следующего года на обсуждение Парламента (в порядке «Белой книги») поступил документ под названием «Совершеннолетний преступник». В обоих документах обсуждалась тематика уголовного правосудия, в том числе аргументировалась потребность в более широком и качественном использовании института досрочного

¹ Cavadino, M. *The Penal System. An Introduction...* – P. 264.

² Priestley, P. *Victorian Prison Lives: English prison biography 1830-1914* / P. Priestley. – Cambridge: At the University Press, 1985. – P. 283-286, 277-278.

³ Parole. *Its Implications for the Criminal Justice and Penal Systems* (Papers presented to the Cropwood Round-Table Conference, December, 1973) / Edited by D.A. Thomas. – Cambridge: University of Cambridge, 1974. – P. 1-44, 55-106; Morris, P. *On Licence. A Study of Parole* / P. Morris, F. Bevrly. – London·New York·Sydney· Toronto: John Wiley&Sons, 1975. – P. 2-6; Von Hirsch, A. *The Question of Parole. Retention, Reform, or Abolition?* / A. Von Hirsch, K.J. Hanrahan – Cambridge: Ballinger Publishing Company, 1979. – P. 83-101; Coker, J.B. *Licensed to Live* / J.B. Coker, J.P. Martin. – Oxford: Basil Blackwell, 1985. – P. 10-27.

освобождения, указывалось, что в определенный период тюремного заключения в отношении многих осужденных не требуется дальнейшего исполнения данного вида наказания, так как задача исправления преступника уже достигнута и поэтому следует перейти к решению вопроса его реабилитации. Во втором из упомянутых документов также определялось, что вопрос о применении *parole* необходимо ставить в отношении абсолютно всех категорий осужденных, срок тюремного заключения которых 12 или более месяцев, по отбытии ими не менее чем одной третьей либо 12 месяцев срока приговора соответственно.

В значительной части результаты этих разработок вошли в Закон об уголовной юстиции (Criminal Justice Act) 1967 года, который с 1 апреля 1968 года ввел основы современной концепции *parole*, суть которой в соответствии с этим Законом состоит в том, что в известный момент длительное тюремное заключение для определенной части осужденных становится либо ненадлежащим, либо излишним средством воздействия в целях достижения должного исправительного эффекта. В силу чего некоторые заключенные, которых нет необходимости продолжать содержать в условиях лишения свободы до истечения всего срока приговора, подвергаются досрочному освобождению.¹ Данный законодательный акт регламентировал предоставление досрочного освобождения для лиц, осужденных к более чем 18 месяцам тюремного заключения, после отбытия ими не менее чем одной третьей либо 12 месяцев срока заключения. Принципиальное же отличие новой системы *parole* от ранних ее форм, нередко представляемых в английской юридической литературе единым термином «*remission*» (прощение), состоит в том, что досрочное освобождение после 1967 года стало представлять право осужденного, а не привилегию.

Результаты дебатов вокруг эффективности рассматриваемого института² привели к тому, что в июне 1984 года

¹ Fitzgerald, M. *British Prisons*— 2nd ed. / M. Fitzgerald, J. Sim. — Oxford: Basil Blackwell, 1982. — P. 102.

² Coker, J.V. *Op. cit.* — P. 40-53.

при содействии министра внутренних дел (далее – министр) в Закон об уголовной юстиции 1982 года была внесена поправка о понижении минимального квалификационного срока тюремного заключения для досрочного освобождения до 6 месяцев. Однако такие решения не всегда сопровождалось одобрительным отношением со стороны представителей правосудия Англии. Так, в 1985 году Судья-председатель Отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия (Главный судья Англии) выразил свое беспокойство министру относительно целесообразности применения *parole* в отношении лиц, осужденных меньше чем на два года тюремного заключения. Но вместе с тем количество досрочно освобожденных лиц, осужденных менее чем на два года тюремного заключения, имело тенденцию к значительному росту; и если в 1983 году таких случаев было только 265, то в 1986 году – уже 10603.¹

Стоит отметить, что, по мнению экспертов, процедура досрочного освобождения заключенных в 1970-1990-х годах отличалась бюрократизмом, излишней сложностью и продолжительностью. Например, рассмотрение вопроса о досрочном освобождении заключенного одной только, так называемой Местной Рассмотрительной Комиссией порой занимало свыше шести месяцев.² Так, краткое освещение основных составляющих процедуры *parole* показывает, что вопрос о досрочном освобождении претендующего на данную меру осужденного в первую очередь попадал на рассмотрение Местной Рассмотрительной Комиссии конкретного тюремного учреждения, которая состояла, как правило, из пяти членов: начальника тюрьмы, офицера службы пробации, представителя Комиссии по делам посетителей и двух независимых представителей общественности. Затем, в случае положительного результата, соответствующие материалы на заключенного получала Комиссия по делам досрочного освобождения (The Parole Board) либо, в

¹ Doherty, M. Criminology. – 3rd ed. / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2001. – P. 198-199.

² Fitzgerald, M. Op. cit. – P. 103.

особых случаях, предусмотренных, например, Законом о детях и молодежи (Children and Young Persons Act) 1933 года или Законом об уголовной юстиции 1972 года (в отношении ограничено правоспособных заключенных, содержащихся под стражей подростков до 18 лет и нек. др.), непосредственно министр, который, как и в настоящее время, уже имел окончательное слово в решении вопроса о досрочном освобождении. Комиссия по делам досрочного освобождения (далее – Комиссия) была основана в соответствии с Законом об уголовной юстиции 1967 года и состояла из 36 членов, которые обычно работали в группах по пять человек. Такая группа могла включать представителя суда, психиатра, офицера службы пробации, криминолога, то есть лиц, имеющих в основном прямое отношение к системе уголовного правосудия.¹

В целом система досрочного освобождения до 10 октября 1992 года, когда вступил в силу Закон об уголовной юстиции 1991 года, характеризовалась тем, что, во-первых, приговор тех лиц, которые попали под досрочное освобождение от отбывания тюремного заключения, фактически считался отбытым и, следовательно, эти лица не подвергались какому-либо специальному посттюремному контролю со стороны государства², и, во-вторых, институт, по суще-

¹ The Future of Parole. Commentaries on systems in Britain and U.S.A. / Edited by D.J. West. – London: Duckworth, 1972. – P. 32-57; McCleary, R. Dangerous Men: The Sociology of Parole / R. McCleary. – London: Sage Publications, Inc, 1978. – P. 46-53, 107-111, 124-127.

² Данный вопрос поднимался на обсуждение задолго до 1991 года. В частности, еще в 1948 году М.Грюнхут отмечал, что «одна лишь только угроза неминуемого возврата в тюремное заключение [при отсутствии должного поведения досрочно освобожденного лица] недостаточна для достижения результата реабилитации. Как в случае с пробацией условно-отсроченное наказание [к которому он относил и досрочное освобождение] требует дополнительного позитивного вмешательства: персональной опеки и надзора». Далее он замечает, что как в случае с пробацией работа с экс-заключенными должна значить больше чем просто надзор, который в сущности отсутствовал касательно досрочно освобожденных лиц (Grünhut M. Op. cit. – P. 316).

ству, работал на снижение количества лиц, содержащихся в тюремном заключении.¹

Вместе с тем начиная с 1969 года практика по делам о досрочном освобождении была в целом признана успешной, и если в этом году были зарегистрированы 7264 случая досрочного освобождения, то в 1989 – уже 24445.² Данное обстоятельство привело к очередному витку эволюции parole. Закон об уголовной юстиции 1991 года принципиальным образом изменил ситуацию и теперь предусматривает новую систему досрочного освобождения с ее реальным положительным эффектом воздействия на преступника. Важным нововведением является то, что в настоящее время досрочно освобожденные лица в большинстве своем обязаны находиться под специальным контролем государства до тех пор, пока не истечет оставшийся срок приговора.

Предпосылками к иному изложению системы досрочного освобождения в указанном Законе 1991 года послужили получившие актуальность в конце 1988 года два ключевых принципа уголовной политики Англии: экономии уголовной репрессии и «реального времени тюремного заключения». Указанные принципы послужили лейтмотивом для активизации реформ в области уголовной юстиции и, в частности, вовлекли в действие своих интересов институт досрочного освобождения.

Как было рассмотрено в третьей главе исследования, современная пенитенциарная доктрина Англии выделяет три принципиальных подхода в пенитенциарной политике – Стратегии наказания, каждая из которых по своему рассматривает идею parole. В частности, Стратегия А отдает приоритет должному исполнению наказания в духе «law and order» – неукоснительного следования идеи воздаяния и судебного веления. Антипатия к институту досрочного освобождения основана на умалении свойств приговора и наказания в случае прерывания его исполнения. По рас-

¹ Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 267.

² Ibid, p.268.

смотренным выше причинам английское право пошло по иному пути, взяв на вооружение Стратегию В, суть которой заключается в дискреционности досрочного освобождения – достаточности специального усмотрения. В своей основе данная Стратегия В имеет политическое волеизъявление на внесудебное решение вопроса о досрочном освобождении в ситуации «сrix of the crisis», то есть в особых условиях, когда юстиция вынуждена поступить таким образом. Стратегия С допускает рассматриваемый институт, но лишь при условии обращения к идее «тотального правосудия», иными словами «вмешательства» в процедуру досрочного освобождения всех атрибутов судебной юрисдикции. При всей привлекательности для английского правосудия этой Стратегии она имеет один существенный недостаток – сложную и накладную процедуру ее реализации. Однако влияние данного подхода сказалось на тенденции постоянного вовлечения *parole* в сферу судебного контроля.

В настоящее время имеются четыре вида досрочного освобождения осужденных. Указанный выше Закон в секции 33 предусматривает первых три: автоматическое безусловное, автоматическое условное и дискреционное условное. Четвертый вид был добавлен Уголовным Законом о нарушении общественного порядка (*Crime and Disorder Act*) 1998 года и заключается в электронном мониторинге. Первых два вида досрочного освобождения имеют место с лицами, приговоренными к небольшим срокам тюремного заключения, для характеристики которых в английской юриспруденции и специальной литературе часто используется термин «*remission*». Остальные два – с лицами, осужденными к длительным срокам заключения.

Анализ каждого вида досрочного освобождения показывает их следующие особенности. Так, автоматическое безусловное досрочное освобождение применяется в отношении лиц, осужденных менее чем на 12 месяцев тюремного заключения, по отбытии последними не менее чем половины срока наказания. Данная категория лиц не подвергается надзору после освобождения. Вместе с тем в случае если данное лицо до фактического истечения всего

срока приговора совершает преступление, то, кроме отбытия приговора за вновь совершенное преступление, лицо подлежит отбытию всей или части тюремного заключения, от которого оно было освобождено в досрочном порядке. Однако все осужденные моложе 22 лет и представленные к любому виду досрочного освобождения подлежат обязательному надзору не менее чем на три месяца.

Автоматическое условное досрочное освобождение доступно для осужденных, приговоренных к сроку от года до четырех лет тюремного заключения и уже отбывших $\frac{1}{2}$ срока наказания. Такая категория лиц подлежат обязательному надзору, который все же прекращается по истечении 75% срока изначального приговора либо продляется судом до окончания всего срока приговора. Как правило, в рассмотренных первых двух видах досрочное освобождение предоставляется от имени министра без его личного участия.

К заключенным, которые имеют приговоры от 4 до 7 лет тюремного заключения, может быть применено досрочное освобождение по отбытии не менее чем половины срока приговора, но автоматическое досрочное освобождение возможно только по отбытии не менее чем две третьих срока. Рассматриваемое дискреционное условное досрочное освобождение или *parole* в собственном смысле слова остается на усмотрение министра, то есть только по его личному решению и на основании соответствующих рекомендаций Комиссии заключенный может быть досрочно освобожден по отбытии половины срока приговора. Как и в случае с автоматическим условным досрочным освобождением, лица подлежат обязательному надзору, который по истечении 75% срока изначального приговора прекращается либо продляется судом до окончания всего срока приговора. Согласно Приказу о деятельности Комиссии 1998 года с 26 декабря указанного года Комиссия также может рассматривать вопрос о досрочном освобождении лиц, осужденных на срок до 15 лет тюремного заключения, в случае, если до окончания срока приговора осталось менее чем 7 лет. Окончательное решение принимает лично министр.

Применяемый на практике с 28 января 1999 года и регламентируемый секциями 99 и 100 Уголовного Закона о нарушении общественного порядка 1998 года четвертый вид досрочного освобождения является последним нововведением в исполнение рассматриваемого института. Данный вид досрочного освобождения касается использования системы электронного мониторинга (электронных ярлыков) в отношении досрочно освобожденных лиц, содержащихся под так называемым домашним арестом.¹ Суть заключается в том, что лица, осужденные к тюремному заключению на срок от 3 месяцев до 4 лет, могут быть досрочно освобождены от отбывания наказания на 60 дней раньше, чем это предусмотрено требованиями автоматического безусловного либо условного видов освобождения. В течение этих 60 дней осужденный находится под домашним арестом не менее чем 9 часов в день. Формально такое решение должно приниматься от лица министра, но фактически его принимает начальник тюрьмы и даже без участия Комиссии. То, что в течение 1999 года из приблизительно 45 тысяч заявленных на данный вид освобождения дел были представлены к таковому около 14 тысяч, показывает, с одной стороны, значительную популярность данного вида досрочного освобождения, с другой – высокие требования, предъявляемые в данном случае к осужденным.²

Особый вид реализации рассматриваемого правового института предусмотрен в Законе о детях и молодежи 1933 года и в дальнейшем закреплен в Законе об уголовной юстиции 1991 года для следующих категорий лиц: 1) осуж-

¹ Идея «электронного мониторинга» в уголовной системе Британии зародилась еще в 1987 году, первое практическое внедрение нашла в 1989 году (эксперимент в Ноттингеме), но ее реальное практическое закрепление и законодательное оформление применительно к альтернативным мерам наказания (например, в случае с условным осуждением) произошли после принятия Закона об уголовной юстиции 1991 года. Подробнее см.: Whitfield, D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders / D. Whitfield. – London: Waterside Press, 1997. – P. 17-27.

² Cavadino, M. The Penal System. An Introduction... – P. 277-278, 283.

денных к пожизненному заключению; 2) осужденных ограниченно правоспособных лиц и осужденных подростков (до 18 лет), к которым применено неограниченное по времени наказание в виде содержания под стражей (Her Majesty's pleasure); 3) осужденных лиц по отбытии последними менее чем половины срока наказания. Данная категория лиц может быть досрочно освобождена только по личному решению министра.¹

Одновременно с принятием Закона об уголовной юстиции 1991 года были упразднены Местные Рассмотрительные Комиссии, что значительно упростило процедуру принятия решений о досрочном освобождении осужденных лиц.² Определенные изменения коснулись и Комиссии. В частности, с 1 июля 1996 года Законом об уголовной юстиции и общественном порядке (Crime Justice and Public Order Act) 1994 года Комиссия становится независимым вневедомственным (имеется в виду вне структуры министерства внутренних дел) исполнительным органом. В настоящее время Комиссия состоит более чем из ста членов. Так, в течение 2002 года в ней работали 110 человек, в том числе один председатель, два служащих на постоянной основе и 107 не на постоянной основе (23 судьи, 19 психиатров, 9 офицеров Национальной Службы Пробации, 5 криминологов и 51 независимых представителей общественности). Работа проводится в группах, как правило, по три человека. Имеются несколько типов таких групп, в основу разделения которых положен вид досрочного освобождения: группа, решающая вопросы дискреционного условного досрочного освобождения и в среднем одновременно рассматривающая 24 дела о досрочном освобождении; две подгруппы, занимающиеся вопросами о досрочном освобождении осужденных к пожизненному заключению – мандатная комиссия, имеющая на рассмотрении 16 дел и группа особых вопросов, работающая обычно только с

¹ Doherty, M. Criminal Justice and Penology / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2000. – P. 203-204.

² Davies, M. Op. cit. – P. 328.

тремя делами; группа, имеющая дело с лицами, осужденными к длительным срокам тюремного заключения; группа, рассматривающая вопросы о возврате осужденного обратно в место отбывания наказания и работающая в составе только лишь двух членов, причем не являющихся судьями или психиатрами. До 1 июля 1996 года Комиссия состояла более чем из 16 типов групп (иногда их количество доходило до 24). В 1992 году в работе Комиссии были задействованы 45 специалистов и 40 независимых представителей общественности.¹

Комиссией в лице указанных групп, перед тем как решить вопрос о досрочном освобождении либо дать соответствующие рекомендации министру, устанавливаются следующие вопросы: 1) сущность и обстоятельства преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание; 2) степень того, насколько велик риск совершения лицом нового преступления и, соответственно, насколько высока степень безопасности общества в этом плане; 3) характер поведения заключенного и его прогресс в исправлении; 4) в случае преступлений сексуального и насильственного характера особо устанавливаются обстоятельства, влияющие на повышение риска повторного совершения лицом подобных деяний; 5) условия, которые должны быть положены в основу надзора, и уступки, которые могут быть при этом допущены; 6) длительность надзора; 7) индивидуальный план реабилитирующих мероприятий; 8) встречная программа надзора, которая исходит от офицера Национальной Службы Пробации, предположительно под надзор которого может попасть осужденный. Обратим внимание, что изучение вопроса о тяжести преступления, за совершение которого лицо отбывает наказание, необходимо лишь для избрания формы и содержания надзора, но не для принятия решения о досрочном освобождении в принципе.

¹ См.: Hood, R. Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Line / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper № 13. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. – P. 43-77.

Таким образом, при рассмотрении этого вопроса Комиссия руководствуется только критерием отсутствия риска совершения лицом нового преступления безотносительно учета тяжести совершенного деяния, так как данное обстоятельство уже учитывалось судом при назначении наказания. Эта проблема «double weighting» (двойного учета как тяжести совершенного преступления, так и риска совершить новое), устраненная новой концепцией принимаемого решения о досрочном освобождении, была решена в связи с принятием Закона об уголовной юстиции 1991 года.¹

Контроль за досрочно освобожденными осужденными осуществляется офицером Национальной Службы Пробации. Такой контроль имеет три задачи: защита общества от освобожденных лиц, предупреждение совершения ими новых преступлений, оказание необходимой помощи лицу для его успешной реабилитации в обществе. При этом необходимо отметить, что различие в организации контроля между пробацией и parole зависит от задач, которые он ставит в каждом конкретном случае. Безусловно, что сходство этих задач наблюдается не во всем, так как пробация в отличие от рассматриваемого института представляет собой альтернативу тюремному заключению и в своей основе имеет судебное решение. Поэтому в случае с досрочным освобождением большое значение уделяется реабилитирующим и восстановительным мероприятиям.

Во всех случаях за совершение любого правонарушения в течение срока первоначального приговора либо за нарушение требований надзора досрочно освобожденные лица могут быть возвращены в место отбывания наказания и (или) подвергнуты штрафу, равному 1000 фунтов стерлингов или более. По этим причинам каждый год приблизительно 4% досрочно освобожденных лиц (около 100) воз-

¹ Результаты специальных исследований новых критериев принятия решения о досрочном освобождении показали их высокую эффективность (Hood, R. Parole With New Criteria. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System: Phase Two / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper № 16. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1995. – P. 25-58).

вращаются в место отбывания наказания. Вместе с тем этой статистикой не охватывается категория досрочно освобожденных лиц, находящихся под домашним арестом. Так, по некоторым сведениям, только в период с января 1999 года по декабрь 2001 года данной категорией досрочно освобожденных лиц были совершены 1400 преступлений.¹

При этом, кроме отбытия приговора за вновь совершенное преступление, лицо подлежит отбытию всей или части (как правило, 6 или немного меньше месяцев) тюремного заключения, от которого оно было освобождено в досрочном порядке. Данный порядок изначально предусмотрен Законом об уголовной юстиции 1991 года, в дальнейшем исправлялся и детализировался Уголовным Законом о нарушении общественного порядка 1998 года и в конечном итоге представлен в Законе о полномочиях уголовных судов (*Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act*) 2000 года. Возврат осуществляется Комиссией, под контролем министра и по решению местного суда. Так, третья секция Уголовного Закона о нарушении общественного порядка 1998 года контроль над досрочно освобожденными от тюремного заключения с 2000 года возложила на министра.

В основу решения вопроса о возвращении осужденного в место отбывания наказания за нарушение требований надзора (повод) ложится то, что лицо не отвечает требованиям безопасности для общества, подорваны задачи такого надзора и нарушено доверие к осужденному.

Таким образом, рассмотрение ключевых моментов английского института досрочного освобождения показывает, что данный институт, во-первых, компенсирует определенные недостатки уголовной системы правосудия, во-вторых, является одним из немногих «восстановительных институтов», направленных на успешную адаптацию преступника в обществе, и, в-третьих, стимулируя положительные свойства и побуждая осужденное лицо к законопослушному поведению, существенным образом снижает

¹ Hitchens, P. *History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England* / P. Hitchens. – London : Atlantic Books, 2003. – P. 144.

степень его опасности для общества, нежели с порой непредсказуемой и вероятной пролонгацией такого риска после отбытия лицом всего, как правило, длительного срока тюремного заключения.

Думается, что главное значение рассмотренного правового института заключается в попытке создания новых приоритетов в английской пенологии, преодолении имеющихся трудностей уголовной юстиции, в решении поставленных перед ней задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал, безусловно, не претендует на исчерпывающее описание английского тюремного права и соответствующих общественных отношений, но призван обеспечить понимание основных проблем, связанных с функционированием тюремной системы Англии и обращением с осужденными в условиях изоляции от общества. На основании изложенного можно сформулировать ряд выводов.

1. Важной составляющей английского тюремного права явилось научное наполнение данной отрасли и теоретическое сопровождение процесса исправления. Наука тюрьмоведения все более однозначно приходит к выводу о том, что тюремное заключение в сравнении с иными наказаниями обладает наиболее широким спектром средств исправления, а рациональная организация тюремного дела позволит перевести в ранг исправившихся большую часть преступников. Таким образом, тюремное заключение и исправительные учреждения оказались в центре внимания, бурно развивается парадигма научных исследований в данной сфере.

2. С учетом того, что национальная модель тюремной системы предопределяет основные признаки ее тюрьмоведческой науки, тюремная система, отражая ее специфику, зависит от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включает определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления.

3. При этом тюрьмоведение – это система знаний в области теории и практики исполнения наказания в виде тюремного заключения, преследующая главную цель – достижение должного исправительного эффекта, тогда как тюремное право следует рассматривать в качестве относительно обособленной системы правовых норм, образующих юридическую оболочку тюрьмоведения.

4. Тюремное заключение как уголовное наказание представляет собой результат переноса «центра тяжести» с общей на частную превенцию преступлений. Общая пре-

венция социально опасных проявлений стала отражать исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника. Карательный эффект тюремного заключения воспринимался через призму функционирования данных механизмов, неизбежные дефекты которых и изменяли форму проявления общей превенции. Постепенное вытеснение из пенитенциарной сферы издержек и перегибов тюремной практики приводило к поэтапному элиминированию превосходства общей превенции над специальным предупреждением. Данная тенденция осуществлялась на фоне научно обоснованного и криминологически значимого появления различных типов преступников и причин преступного поведения, приводила к настоящему и отчетливому проявлению цели специального предупреждения и в целом становления теории частной превенции.

5. Исследование английской системы тюремного заключения как практической стороны пенитенциарной науки приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества явилось основной формой существующей карательной практики. Данный вывод объяснялся высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способным лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника.

6. По мере развития тюремной системы Англии практически в её сердцевине все больше приживалась исправительная идея наказания, вытесняя при этом возмездный и исключительно репрессивно-карательный характер уголовного наказания. Сам процесс институционального роста тюремной системы находится в зависимости от концепции закона и становления гражданской модели общества. Однако учение об исправительной идее уголовного наказания в виде тюремного заключения одновременно и нередко вскрывает недостатки и лакуны в организации исполнения данного наказания.

7. Начиная с первой половины XIX столетия тюремное заключение имело неизменно доминирующий удельный вес в общем массиве наказаний, которые, однако, не имели четкого законодательного описания и практического применения. Основная проблема состояла в отсутствии понятной дуги карательного эффекта каждого из элементов в лестнице наказаний, единого критерия измерения их репрессивного воздействия и четкого механизма и специфики исправительного воздействия каждого из них. При этом многие из вновь возникающих карательных мер имели производный от тюремного заключения характер, представляли альтернативный заключению характер либо могли быть заменены тюремным заключением, приобретение интеграционных свойств которого, таким образом, указывало на качественно иной виток развития английского тюремоведения. Условием такой трансформации тюремного заключения послужила верификация исправительной идеи наказания, приведшая к выводу о наличии значительных «брешей» в её практическом воплощении и становлении концепции предупреждения преступности.

8. В результате произошел некий перенос «центра тяжести» с получившей в XIX веке известное значение исправительной идеи наказания как реакции против суровости карательной системы на теорию предупреждения преступности как основной цели уголовного права. Вследствие этого перед правосудием на первый план выдвигаются не виновность преступника и нравственные свойства личности, а её опасное состояние для общества. Так, появление превентивного тюремного заключения состояло в фактическом применении в отношении «привычных преступников» не средств исправления, но мер безопасности, их удалении от общества, когда исправительное учреждение становится в каком-то смысле непригодным для обращения с этими лицами (в этом проявлялось и определенное несовершенство собственно концепции и средств исправления). Таким образом, система профилактики начинает строиться в том числе и на изменении субстанции наказуемого элемента – действительно, некоторой деформации правовой фор-

мы и сущности уголовно-правовых мер, их постепенной заменой формирующейся системой мер безопасности.

9. Вместе с тем исследование современных теории и практики исполнения тюремного заключения в Англии приводит к выводу о взрослении идеи против широкого применения наказаний, связанных с изоляцией преступника от общества. Так, альтернативные лишению свободы меры находят все большее применение и показывают хорошие результаты, о чем, в частности, свидетельствуют данные о рецидиве лиц, подвергшихся этим видам наказания.

10. Рассмотрение организации работы пенитенциарных учреждений и исполнения уголовных наказаний в Англии позволяет заключить, что исправительные заведения этой страны, обеспечивая условия, содействующие исправлению преступников, ставят перед собой задачу убедить осужденных в необходимости применения к ним исправительных программ (так называемых программ «обращения»), заставить осознать полезность применяемых мер для самих заключенных и добиться их помощи в реализации проводимой реабилитационной деятельности. При этом прогрессивная мысль пришла к выводу, что ни одна исправительная программа не может стоить дороже, чем пустое бессмысленное заключение в тюрьму без применения специальных реабилитационных мер в отношении заключенных, которое в конечном итоге приведет к неизбежному росту тюремного населения в результате так называемого синдрома «вращающейся двери».

11. Наиболее актуальными общими проблемами исполнения тюремного заключения в Англии являются поиск оптимальных вариантов исполнения наказания в отношении категории так называемых исправимых преступников и в отношении рецидивистов и лиц, упорно не желающих встать на путь исправления; преодоление переполненности, неудовлетворительного технического состояния пенитенциарных учреждений и относительно высокой заболеваемости осужденных туберкулезом и иными заболеваниями.

12. Основными общими тенденциями в области исполнения тюремного заключения в английской практике

уголовного правосудия являются, с одной стороны, продолжающаяся общая либерализация процесса исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, с другой – ужесточение карательной практики и условий содержания в отношении отдельных категорий осужденных, например в отношении лиц, имеющих рецидив преступлений, совершивших тяжкие преступления, в том числе против общественной и международной безопасности, о чем, в частности, свидетельствует увеличение тюремного населения.

13. Необходимо констатировать, что между двумя существующими типами исполнения тюремного заключения, а именно гегемонией либеральных подходов и жесткой реакцией общества, необходим постоянный поиск «золотой середины». Известный «принцип маятника» (применительно к данной ситуации – также «переходная тенденция») доказывает, что бесконечная либерализация исполнения наказания в конечном счете выльется в очень жестокую реакцию общества на всплеск преступности, который явится результатом внешне мягкой и нерешительной, а потому и неэффективной уголовной политики. Причем данную ситуацию можно рассматривать с точностью наоборот.

14. Английский институт досрочного освобождения от отбывания тюремного заключения, во-первых, компенсирует определенные недостатки уголовной системы правосудия, во-вторых, является одним из немногих «восстановительных институтов», направленных на успешную адаптацию преступника в обществе и, в-третьих, стимулируя положительные свойства и побуждая осужденное лицо к законопослушному поведению, существенным образом снижает степень его опасности для общества, нежели с порой непредсказуемой и вероятной пролонгацией такого риска после отбытия лицом всего, как правило, длительного срока тюремного заключения.

Таким образом, знакомство с организацией исполнения наказания в виде тюремного заключения, функционированием пенитенциарных учреждений Англии позволяет сделать вывод о том, что поиск и выработка оптимальных форм и средств исправления осужденных, гармонизация

уголовной политики и общественных интересов рассматриваются как одни из важнейших компонентов деятельности органов правосудия в сфере борьбы с преступностью. Данный опыт чрезвычайно важен для отечественной правовой системы, поскольку в новых условиях функционирования российской модели исполнения наказаний, в том числе и лишения свободы, очень важна оценка зарубежных концепций борьбы с преступностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Альперн, Л. Сон и явь женской тюрьмы / Л. Альперн. – СПб. : Алетейя, 2004. – 446 с.
2. Анденес, И. Наказание и предупреждение преступлений / И. Анденес ; пер. с англ. В.М. Когана ; под ред. Б.С. Никифорова. – М.: Прогресс, 1979. – 264 с.
3. Ансель, М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике) / М. Ансель ; пер. с франц. Н.С. Лапшиной ; под ред. А.А. Пионтковского – М. : Издательство «Прогресс», 1970. – 312 с.
4. Бельсон, Я.М. Суд, прокуратура и тюрьмы в современном буржуазном государстве : учебное пособие / Я.М. Бельсон. – М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. – 50 с.
5. Берви, В.В. Очерк судебного управления в Англии / В.В. Берви // Журнал Министерства юстиции. – 1859. – № 9 (сентябрь). – С. 63-120.
6. Биншток, В.Л. Материалы для истории русской тюрьмы / В.Л. Биншток // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. – Т. 3. – С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1894. – С. 151-190.
7. Булатов, С.Я. Лишение свободы в буржуазной уголовной политике / С.Я. Булатов // Тюрьма капиталистических стран : сборник статей / под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1937. – С. 3-44.
8. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
9. Гогель, С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах / С.К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 2 (февраль). – С. 159-220.
10. Гогель, С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюремного ведения. Собрание исследований / С.К. Гогель. – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1906. – 646 с.
11. Гогель, С.К. О желательности и возможности введения в России института условного осуждения / С.К. Гогель // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 7 (сентябрь). – С. 35-82.

12. Гольденвейзер, А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление (Мотивы Толстовского «Воскресения») / А.С. Гольденвейзер / издание товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокатской деятельности автора. – Киев: Тип. Р.К. Лубковского, Б.-Владимирская ул., № 46, 1911. – 76 с.

13. Гомберг, Б. Опыт изложения основных начал этиологии преступления. Ч. I. Чезаре Ломброзо и уголовная антропология / Б. Гомберг. – Киев: Типография 2-й артели, Б.-Владимирская № 43, 1911. – 160 с.

14. Дженкс, Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Э. Дженкс ; пер. Л.А. Лун ; предисл. М.М. Исаева и Л.А. Лунц. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции Союза ССР, 1947. – 378 с.

15. Жижиленко, А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Петроград: Типография «Правда», Разъезжая, 16-18, 1914. – 676 с.

16. Жижиленко, А.А. Условное осуждение по иностранным законодательствам / А.А. Жижиленко // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 5 (май). – С. 24-52.

17. Закревский, И.П. Пятый Международный пенитенциарный конгресс / И.П. Закревский // Журнал Министерства юстиции. – 1895. – № 10 (октябрь). – С. 121-149.

18. Иванов, Н.Г. Сравнительный метод в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов // Правоведение. – 1988. – № 2. – С. 33-39.

19. Инфлянд, П.А. Мысли судьи об Уголовном уложении и институте условного осуждения / П.А. Инфлянд // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 10 (декабрь). – С. 1-18

20. Исаев, М. Основы пенитенциарной политики / М. Исаев. – М.-Л. : Государственное издательство, 1927. – 165 с.

21. Кенни, К. Основы уголовного права / К. Кенни ; пер. с англ. В.И. Каминской ; под ред. Б.С. Никифорова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 560 с.

22. Кораблин, К.К. История развития пенитенциарной системы в России : учебное пособие / К.К. Кораблин. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2001. – 80 с.

23. Лопашенко, Н.А. Сообщение о защите диссертации «Уголовное право Италии: основные институты», представ-

ленную М.А. Игнатовой на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 138.

24. Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 704 с.

25. Минц, П.М. Английская система принудительного воспитания / П.М. Минц // Журнал Министерства юстиции. – 1897. – № 5 (май). – С. 199-264.

26. Печников, А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649-октябрь 1917 гг.) : историческая хроника / А.П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – 325 с.

27. Пионтковский, А.А. Дисциплинарные взыскания в карательных учреждениях / А.А. Пионтковский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 4 (апрель). – С. 57-101.

28. Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев ; 2-ое изд., испр. и доп. – М. : Издание Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. – 300 с.

29. Пономарев, С.Н. Тюремная система Англии и современное общество : монография / С.Н. Пономарев, А.Ф. Маруков, В.В. Геранин. – Рязань : Академия права и управления Министерства юстиции России, 2002. – 136 с.

30. Полянский, Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридическая литература, 1969. – 400 с.

31. Пржевальский, В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание / В.В. Пржевальский // Сборник правоведения и общественных знаний : труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения ; том 6. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28, 1896. – С. 70-127.

32. Пусторослев, П.П. Иностраннные системы освобожденного испытания преступников / П.П. Пусторослев. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1905. – 158 с.

33. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право / Н.Д. Сергеевский : пособие к лекциям. – СПб. : Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. – 434 с.

34. Спасович, В. Учебник уголовного права. Том I / В. Спасович. – Санкт-Петербург: Типография Иосифота Огризко, 1863. – 432 с.

35. Тарбагаев, А.Н. Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части : учебное пособие / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск : Государственный ун-т, 2000. – 135 с.

36. Трайнин, А.Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран / А.Н. Трайнин ; ред. и предисл. А.Я. Вышинского. – М.: Советское законодательство, 1935. – 102 с.

37. Тепляшин, П.В. Воттон – тюрьма для насильников / П.В. Тепляшин // Преступление и наказание. – 2004. – № 1. – С. 27-29.

38. Тепляшин, П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения / П.В. Тепляшин : монография. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – 219 с.

39. Тепляшин, П.В. Теория и практика функционирования тюремной системы Англии и Уэльса на современном этапе / П.В. Тепляшин // Человек: преступление и наказание: научный журнал). – 2004. – № 4 (48). – С. 84-90.

40. Тепляшин, П.В. Уполномоченный по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей: постановка проблемы и зарубежный опыт / П.В. Тепляшин // Защита прав человека в формирующемся гражданском обществе: выполнение Россией обязательств по обеспечению прав человека, принятых в связи с её вступлением в Совет Европы : сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2004 г.) ; отв. ред. И.Е. Жмаков. – Красноярск : Филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске, 2004. – С. 141-145.

41. Тепляшин, П.В. Истоки и эволюция борстальской тюремной системы / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 3. – С. 31-36.

42. Ткачевский, Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. – М.: Зерцало, 1997. – 144 с.

43. Туманов, Г.А. Реакционный характер тюремной политики и тюремоведения в капиталистических странах / Г.А. Туманов : лекция. – М. : Высшая школа МООП РСФСР, 1965. – 32 с.

44. Условное применение наказания // Юридическая летопись. Ежемесячный журнал, издаваемый при постоянном со-

трудничестве Н.О. Дерюжинского, А.А. Исаева, Н.М. Коркунова / под ред. Н.Д. Сергеевского. – Год первый 1890. Май. – С. 441-446 (Хроника научно-литературная).

45. Фалиев, Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения / Н.И. Фалиев. – М.: Издание книжного магазина «Правоведение», 1904. – 108 с.

46. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – М. : Добросвет-2000 ; Городец, 2000. – 464 с.

47. Чубинский, М.П. Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль : Типография губернского правления, 1909. – 446 с.

ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

48. Ashton, J. What Everyone in Britain should Know about Crime and Punishment / J. Ashton, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford : University Press, 2001. – 200 p.

49. Barry, J.V. Alexander Maconochie of Norfolk Island. A study of a Pioneer in Penal Reform / J.V. Barry. – London·Wellington·New York: Oxford University Press, 1958. – 278 p.

50. Bean, P. Punishment. A Philosophical and Criminological Inquiry / P. Bean. – Oxford : Martin Robertson, 1981. – 216 p.

51. Braithwaite, J. Not Just Deserts. A Republican Theory of Criminal Justice / J. Braithwaite, P. Pettit. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – 256 p.

52. Brownlee, I. Community Punishment. A Critical Introduction / I. Brownlee. – London and New York : Longman, 1998. – 222 p.

53. Carney, L.P. Probation and Parole: Legal and Social Dimensions / L.P. Carney. – New York: McGraw-Hill, Inc, 1977. – 346 p.

54. Cavadino, M. Criminal Justice 2000: Strategies for a New Century (reprint) / M. Cavadino, I. Crow, J. Dignan. – Winchester : Waterside Press, 2001. – 224 p.

55. Cavadino, M. The Penal System. An Introduction / M. Cavadino, J. Dignan. – 3rd ed. – London : SAGE Publications, Thousand Oaks, New Delhi, 2002. – 405 p.

56. Coker, J.B. Licensed to Live / J.B. Coker, J.P. Martin. – Oxford: Basil Blackwell, 1985. – 276 p.

57. Controlling Crime / Edited by E. McLaughlin and J. Muncie. – 2nd ed. – London · Thousand Oaks · New Delhi : SAGE Publications ; The Open University, 2001. – 362 p.

58. Criminology: A Reader / Edited by Y. Jewkes and G. Letherby. – London · Thousand Oaks · New Delhi: SAGE Publications, 2002. – 408 p.

59. Davies, M. Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales / M. Davies, H. Croall and J. Tyrer. – 2nd ed. – London : Longman ; Pearson Education, 1998. – 472 p.

60. Doherty, M. Criminal Justice and Penology / M. Doherty. – London : Old Bailey Press, 2000. – 254 p.

61. Doherty, M. Criminology. – 3rd ed. / M. Doherty. – London: Old Bailey Press, 2001. – 346 p.

62. Fitzgerald, M. British Prisons– 2nd ed. / M. Fitzgerald, J. Sim. – Oxford: Basil Blackwell, 1982. – 182 p.

63. Fox, L.W. The English Prison and Borstal Systems / L.W. Fox. – London : Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. – 480 p.

64. Griffiths, A. Memorials of Millbank and Chapters in Prison History / A. Griffiths. – London: Chapman and Hall, Limited, 1884. – 468 p.

65. Grünhut, M. Penal Reform. A comparative study / M. Grünhut. – Oxford: At the Clarendon Press, 1948. – 486 p.

66. Glaser, D. The Effectiveness of a Prison and Parole System / D. Glaser. – New York·Kansas City: The Bobbs-Merrill Company, Inc, 1964. – 596 p.

67. Hitchens, P. History of Crime. The Decline of Order, Justice and Liberty in England / P. Hitchens. – London : Atlantic Books, 2003. – 316 p.

68. Hood, R. Parole in Transition. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System. Phase One. Establishing the Base-Lane / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper № 13. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1994. – 90 p.

69. Hood, R. Parole With New Criteria. Evaluating the Impact and Effects of Changes in the Parole System: Phase Two / R. Hood, S. Shute. – Occasional Paper № 16. – Oxford: University of Oxford, Centre for Criminological Research, 1995. – 58 p.

70. Jenks, E. A Short History of English Law. From the Earliest Times to the End of the Year 1938 / E. Jenks. – 5th ed. – London: Methuen&Co. Ltd., 1938. – 442 p.

71. Livingstone, S. Prison Law: Text and Materials (reprint) / S. Livingstone, T. Owen. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 434 p.

72. McCleary, R. Dangerous Men: The Sociology of Parole / R. McCleary. – London: Sage Publications, Inc, 1978. – 180 p.

73. Morris, P. On Licence. A Study of Parole / P. Morris, F. Beverly. – London·New York·Sydney· Toronto: John Wiley&Sons, 1975. – 178 p.

74. Parole. Its Implications for the Criminal Justice and Penal Systems (Papers presented to the Cropwood Round-Table Conference, December, 1973) / Edited by D.A. Thomas. – Cambridge: University of Cambridge, 1974. – 106 p.

75. Pratt, J. Punishment and Civilization. Penal Tolerance and Intolerance in Modern Society / J. Pratt. – London·Thousand Oaks·New Delhi : SAGE Publications, 2002. – 214 p.

76. Priestley, P. Victorian Prison Lives: English prison biography 1830-1914 / P. Priestley. – Cambridge: At the University Press, 1985. – 312 p.

77. Prison Service News. – 2003. – № 220.

78. Prisons Statistics, England and Wales, 2000. – London : Home Office, 2002. – 198 p.

79. Prisons Statistics, England and Wales, 2001. – London : Home Office, 2003. – 242 p.

80. Prisons Statistics, England and Wales, 2005. – London : Home Office, 2006. – 236 p.

81. Report of Departmental Committee on Persistent Offenders. – London, 1932.

82. Report of the commissioners of Prisons for the Year ended. – London, 1923.

83. Ruggles-Brise, E. The English Prison System / E. Ruggles-Brise. – Maidstone: Printed at H.M. Convict Prison, 1921. – 275 p.

84. Richardson, G. Law, Process and Custody: Prisoners and Patients / G. Richardson. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1993. – 342 p.

85. Sharpe, J.A. Judicial Punishment in England / J.A. Sharpe. – London·Boston: Faber and faber, 1990. – 150 p.

86. Smith, A.B. Treating the Criminal Offender / A.B. Smith, L. Berlin. – 2nd ed. – New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1981. – 392 p.

87. Stephen, J.F. A History of the Criminal Law of England. – In Three Volumes. – Vol. I / J.F. Stephen. – New York: Burt Franklin, 1883. – 576 p.

88. The Future of Parole. Commentaries on systems in Britain and U.S.A. / Edited by D.J. West. – London: Duckworth, 1972. – 212 p.

89. The Philosophy of Punishment. A Collection of Papers / Edited by H.B Acton. – London : Macmillan, 1969. – 238 p.

90. The Oxford Handbook of Criminology / Edited by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 3rd ed. – Oxford: University Press, 2002. – 1228 p.

91. Von Hirsch, A. The Question of Parole. Retention, Reform, or Abolition? / A. Von Hirsch, K.J. Hanrahan – Cambridge: Ballinger Publishing Company, 1979. – 178 p.

92. Walker, N. Why Punish? / N. Walker. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 168 p.

93. Wasik, M. Blackstone's Guide to the Criminal Justice Act 1991 / M. Wasik, R.D. Taylor. – 2nd ed. – London: Blackstone Press Limited, 1994. – 352 p.

94. Whitfield, D. Tacking the Tag. The Electronic Monitoring of Offenders / D. Whitfield. – London: Waterside Press, 1997. – 144 p.

95. Windeyer, W.J.V. Lectures on Legal History. – 2nd ed. (revised) / W.J.V. Windeyer. – Sydney: The Law Book Company of Australia Pty Ltd., 1957. – 336 p.

96. Wines, F.H. Punishment and Reformation. An Historical Sketch of the Rise of the Penitentiary / F.H. Wines. – London: Swan Sonnenschein&CO, 1895. – 340 p.

97. Worrall, A. Punishment in the Community: The Future of the Criminal Justice / A. Worrall. – London and New York : Longman, 1997. – 170 p.

98. Wortley, R. Situational Prison Control. Crime Prevention in Correctional Institutions / R. Wortley. – Cambridge : University Press, 2002. – 254 p.

План издания №23.

Павел Владимирович Тепляшин

СОВРЕМЕННОЕ ТЮРЕМНОЕ ПРАВО АНГЛИИ

Монография

Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 6,0 (5,0 усл.изд.л.).
Тираж 500 экз. Первый завод 100 экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.